

ВАДИМ ПАНОВ

ВСЕ ОТТЕНКИ
ЧЕРНОГО

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Вадим Юрьевич Панов
Все оттенки черного
Серия «Тайный Город», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119719

Все оттенки черного: Эксмо;

ISBN 978-5-699-13963-7, 5-699-13963-X

Аннотация

Это не было наваждением. Ослепительная красавица, завершая свой танец, действительно впиалась в горло юного партнера. И отрезанная голова ребенка, вылетевшая на сцену из зрительской ложи, тоже не была бутафорией. «Только дьявол разрешит тебе все» – похоже, девиз «Заведения Мрака» не обманывал.

Но владельцы ночного клуба не знали, какие могущественные силы выступят против них. Обитатели Тайного Города, последние представители давно исчезнувших с лица Земли цивилизаций, никогда не примирились бы с такой грязной конкуренцией. К тому же в их памяти еще свежи были воспоминания о страшных временах Инквизиции...

Содержание

Пролог	4
Часть I	9
Константин	9
Анна	22
Константин	27
Вера	31
Константин	35
Леночка	42
Константин	46
Анна	49
Константин	61
Вера	74
Константин	82
Леночка	87
Зорич	93
Константин	101
Леночка	107
Вера	115
Константин	121
Вера	126
Леночка	134
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Вадим Панов

Все оттенки черного

Пролог

– Пожалуйста, сюда, отец Алексей.

Тоненький юноша в темной рясе с накинутым на голову капюшоном молча шагнул в услужливо распахнутую дверь полицейского морга.

– Кто-нибудь еще знает о нашем деле?

– Нет, только вы и я. – Патологоанатом тщательно закрыл дверь. – Сейчас я привезу тело.

Даже если пожилому врачу и было неловко обращаться к молоденькому монаху «отец», он никак этого не продемонстрировал. Относился почтительно, потому что сам старец Никодим оставил юношу преемником в Забытой пустыни, в месте, где, по твердому убеждению знающих людей, пылает огонь истинной веры. А патологоанатом был знающим. Он не забыл, как десять лет назад отвез сына, внутренности которого были изъедены метастазами, в Забытую пустынь, к старцу. В Онкологическом центре ребенку подписали смертный приговор, а чтобы отменить его, старцу потребовался месяц. Он вернул ребенка отцу, вернул душу. Вернул веру.

Старец считался святым, народ к нему ходил и с хворью, и

за советом, и никому Никодим не отказывал до самой смерти. А значит, ошибиться в выборе продолжателя своего дела не мог. И не ошибся. Несмотря на молодость, Алексей ни в чем не уступал учителю, и вера молодого человека была столь же крепкой: силу свою он нес людям искренне, с радостью, полагая, что именно для этого дарована она Богом.

– Вот. – Патологоанатом подкатил к Алексею лежащее на блестящей металлической каталке тело молодого рослого мужчины. – Из озера выловили.

Монах внимательно осмотрел покойного.

– Где следы?

– На шее, у вены.

Две маленькие ранки, напоминающие укус змеи.

– Я сразу заметил, что дело нечисто, – шепотом сказал врач. – Раны эти заприметил. А потом вскрываю – Бог ты мой, крови в нем нет!

– Ни капли?

– Ни капли, – подтвердил патологоанатом. – Досуха ее упырь выпил.

Монах положил руку на голову покойника и прикрыл глаза.

– Он был с женщиной. – Последовала пауза, врач не дышал. – Женщина его и убила.

– Женщина-упырь, – прошептал патологоанатом и перекрестился. – Господи всемогущий, спаси и сохрани.

– Кому-нибудь говорил? – снова поинтересовался отец

Алексей.

– Только вам.

– Что полиции сказал?

– Пока ничего, – признался врач, – время тяну. Не знаю, что делать.

– Скажешь им, – после минутного раздумья решил монах, – что утоп раб божий. Захлебнулся в озере.

– Понятно, – кивнул патологоанатом, – а как с упырем быть? Ведь страшно!

– А об упыре забудь, – сурово произнес отец Алексей. – Он в одном месте дважды не появляется, так что спи спокойно.

– А остальные люди? – Врач набросил на тело простыню. – Он ведь дальше убивать будет.

– Я же сказал: забудь, – недовольно повторил монах. – Отыщем мы упыря.

Выйдя на улицу, Алексей отошел к могучему дубу, стоящему неподалеку от здания, прислонился к стволу и несколько минут просто стоял, рассеянно теребя рукой простенькую веревочку, которой был подпоясан. Теплая летняя ночь жадно пожирала остатки света, торопливо набрасывая на землю свой сумрачный покров, черная ряса монаха сливалась с деревом, и праздно прогуливающиеся по улице люди его не за-

мечали.

«Упырь».

Молодой монах задумчиво посмотрел на прохожих. Для большинства из них вампиры не более чем сказка, остроумная выдумка, позволяющая хорошо зарабатывать продюсерам фильмов ужасов. Фольклорные персонажи. Скажи кому-нибудь из них, что вот за этой стеной, в полицейском морге, лежит жертва упыря, а патологоанатом грызет авто-ручку, пытаясь состряпать правдоподобный отчет – засмеют! Подведи их к трупу и покажи полное отсутствие крови – не поверят. Да и как в это можно поверить? Как можно поверить в то, что в Москве, в огромном городе, лежащем в нескольких десятках миль отсюда, помимо обычных людей, живут последние представители давно забытых цивилизаций? Существа, обитавшие на Земле задолго до появления человека и не имеющие с этим самым человеком ни одного общего гена?

Алексей хорошо помнил удивление, испытанное им, когда старец Никодим впервые поведал юному послушнику о существовании нелюдей и о том, что высокие московские дома причудливо сочетаются с постройками Тайного Города, самого древнего поселения Земли. Он помнил рассказы о грозных Великих Домах, некогда правивших миром, о магах, умеющих все или даже чуть больше, и о многочисленных семьях, некоторые представители которых послужили в свое время прообразом фольклорных персонажей. Как, на-

пример, вампиры.

Монах вздохнул. Ужасный след, оставленный убийцей, вновь разбудил сомнения, изредка терзавшие его молодую душу. Сомнения небеспочвенные, и от того еще более неприятные. С одной стороны, старца Никодима почитали святым. И его самого будут почитать, в этом Алексей не сомневался. Но, с другой стороны, существуют люди, обладающие такими же способностями и даже превосходящие его, Алексея, и в умении врачевания, и в таланте видеть будущее, и во многих других умениях, о которых он даже не догадывался. Люди, для которых волшебство являлось такой же обыденностью, как, например, электричество. Эти люди жили в Тайном Городе и читали сказки, как чьи-то мемуары. Существование этих людей заставляло Алексея задуматься о том, прав ли он, скрывая свою истинную суть под рясой? Прав ли, что прикрывается именем Бога? Прав ли, вводя в заблуждение паству? Ведь не святой он, совсем не святой...

Монах снова вздохнул, рассеянно вытер ладонью высокий лоб и покачал головой, отбрасывая прочь ненужные мысли.

У него есть призвание, у него есть долг – и в этом его сила. Он обязан делиться своим даром с людьми, и то, что он делает это, облачившись в рясу, ничего не меняет. Главное сейчас – вампир. Никто не имеет права убивать безнаказанно.

Даже в Тайном Городе.

Часть I

Наперегонки с миражом

Константин

Константин Куприянов покинул VIP-ложу стадиона в самом скверном расположении духа. Это был довольно высокий, сухощавый мужчина, тридцати восьми лет, с длинноватым носом, большими карими глазами, тонким ртом и темными, с проседью волосами, уложенными в аккуратную прическу. В целом его лицо можно было назвать приятным, внушающим доверие, но, увы, не сейчас, и на это была весомая причина. «Спартак», любимый «Спартак», безвольно, а самое главное – по делу, уступил своему основному преследователю в чемпионской гонке – «Локомотиву». Уступил, выигрывая 0:2 к концу первого тайма, пропустив во втором, на глазах у тысяч болельщиков, специально собравшихся посмотреть на порку честолюбивых выскочек, три образцово-показательных мяча от настырных «паровозов». Любимую команду классно переиграли, и Куприянов чувствовал себя раздосадованным. Он криво усмехнулся шумной радости красно-зеленых «викингов», скомкал программку и молча, иногда кивая знакомым болельщикам, добрался до

«Мерседеса». Володя, водитель-телохранитель, уже знал о случившейся неприятности и потому старался быть как можно более незаметным. В принципе Куприянов был хорошим шефом: достаточно внимательным, не капризным, без комплекса Наполеона, но в редкие минуты дурного настроения под руку ему лучше было не попадаться и персоной своей не надоедать.

За всю дорогу Константин произнес только одно короткое предложение. Сквозь зубы. Когда по радио комментировали результаты состоявшегося тура. После этого он велел выключить приемник и дальше ехал в полной тишине.

К дому подъехали в одиннадцатом часу. Молча, не попрощавшись, вопреки обыкновению, с водителем (из чего Володя понял, что шеф по-прежнему недоволен), Константин вошел в особняк, швырнул пиджак на стоящий в холле диван и направился в гостиную.

– Добрый вечер. – Вера, симпатичная женщина с большими ореховыми глазами, оторвалась от планшета.

– Привет, родная. – Куприянов рассеянно поцеловал жену в каштановую макушку и направился к бару. – А мы сегодня проиграли.

– Крупно?

– Два – три.

– Вы все равно чемпионы.

– На это невозможно было смотреть. – Константин плеснул себе виски, залпом выпил, но недовольство не отпуска-

ло. – Ни мысли, ни игры, ни желания. «Паровозы» просто издевались над нами!

Вера закрыла журнал.

– Костик ждал тебя весь вечер. – Куприяновы назвали сына в честь отца. – Ты обещал, что будешь с ним рисовать.

– Ты же знаешь, что я всегда хожу на футбол, – буркнул Куприянов.

– Ты ему обещал, – мягко произнесла Вера. – Мог бы лучше планировать время.

«Проклятие!»

Куприянов вспомнил, что действительно давал ребенку обещание. Обычно тур проходил по субботам, и он просто не сориентировался, что на этот раз окажется на стадионе в среду. Нехорошо получилось. Чувство вины и раздражение от проигрыша любимой команды смешались в гремучую смесь.

– Он обиделся?

– Расстроился, – сухо подтвердила жена.

– Ты могла мне позвонить!

– Я звонила.

Куприянов вспомнил проигнорированную трель мобильного телефона в начале первого тайма.

«Могла быть настойчивее!»

Он знал, что виноват, но признаваться в этом не хотелось. В стакан полетела следующая порция виски. Надо было отключиться, выбросить все из головы и отдохнуть.

«Завтра куплю Косте какой-нибудь подарок и восстано-

лю мир».

– Ты не так много времени проводишь с ним, – негромко продолжила Вера. – Костик все понимает, он взрослый, но, когда ты обещаешь и забываешь об этом, он, разумеется...

– Хватит читать мне мораль!

– Я просто хотела... – Вера удивленно посмотрела на мужа.

– Да, я забыл, мне стыдно! – рявкнул Куприянов. – Все? Может быть, хватит об этом?

– Почему ты так говоришь со мной? – вспыхнула Вера. – В конце концов, это ты обманул сына.

– Никого я не обманывал!

Куприянов резко поставил бокал и направился к выходу из гостиной. Выслушивать претензии жены было выше его сил.

– Костя...

– Поеду, искупаюсь, – не оборачиваясь, бросил Куприянов. – И сразу вернусь!

– Может, это тебя остудит!

Вера откинулась на спинку дивана, закусила губу и тыльной стороной ладони вытерла выступившие на глазах слезы.

Что такого она сказала? Почему он так среагировал? Ведь она просто хотела заметить мужу, что он неправильно поступил, нарушив данное сыну слово, а в результате – скандал. Неужели он действительно так злится из-за какого-то поганого «Спартака»? Неужели это действительно настолько

важно? Важнее, чем сын?

Этого Вера понять не могла.

«Ладно. – Она взяла себя в руки. – Кот вернется через час».

Вера знала, что муж обожал купаться по ночам и, какое бы настроение у него ни было до этого, всегда возвращался довольным и добрым. А в том, что он поехал один, не было ничего странного: она не всегда соглашалась сопровождать его на озеро, предпочитая бассейн или ванну.

«Дождусь его, и тогда поговорим».

Куприянов, как был, в брюках от костюма, дорогих туфлях и белоснежной рубашке, выскочил из дома и решительно направился в гараж за открытым «Рэнглером», специально приобретенным для летних прогулок.

– Константин Федорович, мне поехать с вами? – Массивная фигура Володи мгновенно выросла около шефа.

– Нет! – сначала Куприянов ответил резко, но затем, оценив предупредительность телохранителя, сбавил обороты: – Спасибо, Володя, я просто поеду искупаюсь. Ты знаешь куда. Там вряд ли будет кто-нибудь еще.

Шеф поругался с женой и хочет побыть один. Телохранитель прекрасно знал глухой уголок на берегу озера, который Куприянов любил больше всего. Ехать до него всего ничего, и там действительно вряд ли будут другие люди.

– Я подгоню машину, Константин Федорович, – кивнул Володя, – и возьмите, пожалуйста, телефон. – Он протянул

Куприянову мобильную трубку. – Я буду ждать вашего возвращения.

– Конечно.

Это действительно был не его день. Без всякого сомнения. Когда слегка успокоившийся Куприянов подъехал к озеру, он с неприязненным удивлением обнаружил на «своем» месте черный «Мустанг», нахально блестящий под круглым ночным светилом. Это было настолько неожиданно, что сначала Константин даже не поверил собственным глазам: Куприянов был уверен, что дорогу в этот уединенный уголок знают только он и лесник. Вот уже три года он не видел здесь не то чтобы чужую машину, а даже туристов-палаточников или просто отдыхающих, это было секретное место, «его» место, и вот – здрасьте! Мало того что черный жеребец оказался в заповедном уголке, так его еще и поставили именно там, где обычно ставил машину Куприянов: прямо посреди узкой дороги, носом в обратную сторону, не оставляя никому шансов проехать дальше.

Константин тихонько выругался, выключил двигатель и задумался. Уехать? Оставить «свое» место неведомым захватчикам? Разум подсказывал, что это будет самым правильным решением: одинокая машина не просто так появилась в тихом лесном уголке, наверняка ее пассажиры заеха-

ли в такую глушь с вполне понятными планами, и появление Куприянова придется совсем некстати. Ну, не успел. День сегодня такой.

Константин выбрался из «Рэнглера» и подошел к «Мустангу». Его догадка оказалась верна: в незапертом салоне автомобиля была беспорядочно разбросана одежда. Мужская и женская. Куприянов скривился и посмотрел на номер «Мустанга»: «АННА». Ни у кого в округе, Константин знал это точно, не было «Мустанга» с такими номерами.

Анна. Куприянов задумчиво покрутил на пальце ключи от внедорожника. Злость постепенно уходила, оставляя после себя лишь легкое чувство досады.

«Анна Каренина. Аннушка разлила масло. Анка-пулеметчица. Глупые ассоциации... – Константин вздохнул. – Ладно, Анна Болейн, не буду тебе мешать, в конце концов, искупаться можно и в любом другом месте».

Куприянов сделал шаг к «Рэнглеру», когда со стороны озера послышались залиvistый женский смех и плеск воды. Что и требовалось доказать.

Еще один шаг.

Смех стал чуть громче.

Очень приятный тембр. Константин давно заметил, что лишь немногие люди могли похвастаться красивым смехом. Обычно он звучал либо слишком громко, либо слишком тонко, либо это были вообще непонятные каркающие звуки, доставляющие удовольствие исключительно своему обладате-

лю. Смех, доносящийся с озера, был редким исключением. Он звучал радостно, заразительно и очень приятно на слух.

Куприянов помедлил и непроизвольно улыбнулся. Чертова русалка.

Послышались невнятные голоса и снова удивительный и озорной смех. Он должен увидеть его обладательницу. Константин сунул ключи в карман и осторожно направился к берегу.

Огромный диск полной луны нависал над ровной, как сковорода, поверхностью озера, заливая ее волшебным серебряным светом. Деревья, контуры которых были едва различимы на фоне усыпанного звездами неба, молчаливой стражей окружали берега, периодически напоминая о себе легким шелестом листьев. Где-то далеко-далеко по-хозяйски ухали совы, но их переключка лишь подчеркивала удивительную тишину, царящую в этом чудном уголке.

Женщина, чей смех привлек Константина, медленно шла по искрящейся в лунном свете воде. Куприянов прекрасно знал, что в этом месте песчаная отмель далеко вдается в озеро, но все равно ему показалось, что незнакомка ступает прямо по звездам, отражающимся на спокойной поверхности. Настолько грациозны и легки были ее движения, настолько волшебно выглядела она, закутанная лишь в призрачные лучи ночного светила.

«Ты увидел, что хотел? Теперь уходи».

«Еще чуть-чуть. Я хочу увидеть ее лицо».

Больше в этот вечер голос разума Константина не тревожил.

– Ты прекрасна!

Куприянов даже вздрогнул, когда громкий мужской голос грубо вторгся в чудную картину, открывшуюся перед его глазами. Он совсем забыл, что женщина была не одна.

– Ты сводишь меня с ума!

С этим заявлением трудно было не согласиться. Пышные черные волосы красавицы густой волной спадали на плечи, оттеняя стройную шею и лицо, которое Константин пока не мог разглядеть. Зато он видел крепкие полушария груди, игриво поблескивающие в лунном свете, ладный, подтянутый животик, тонкую талию и упругие, округлые бедра, способные свести с ума любого мужчину.

Русалка остановилась и медленно подняла вверх свои прекрасные волосы.

– На кого я похожа?

– На королеву Луны!

Над озером вновь зажурчал ее задорный смех. Красавица томно изогнулась, лаская тело в свете блекнувших на ее фоне звезд. Черные волосы вновь рассыпались по плечам, а ладони скользнули по бедрам. Мужчина на берегу застонал.

– Иди ко мне, моя королева!

Куприянов в бешенстве прикусил травинку: голос мужчины вырвал его из сладкого забытья: на мгновение Константину показалось, что восхитительная русалка приближается

к нему.

Только к нему.

– Я – королева Луны! Я – повелительница ночи! – Голос у черноволосой красавицы был грудным, с легкой хрипотцой, придающей ему дополнительное очарование. – Я – хозяйка твоих грез!

Роскошный танец удивительной незнакомки ничем не напоминал заученные движения дешевой стриптизерши. В нем чувствовалась вулканическая страсть, в которой могли сгореть даже звезды. В нем причудливо сплелись первобытный огонь, губительный для доверчивых мотыльков, и томная нега, заставляющая забыть обо всем на свете, грациозность пантеры, играющей со своей жертвой, и незащитная, манящая мягкость влюбленной русалки. Он очаровывал и пугал одновременно. Он наполнял желанием. Гипнотизировал.

Куприянов не сводил с незнакомки глаз, жадно фиксируя каждый изгиб, каждую линию роскошного тела, каждый жест и поворот головы. И в тот момент, когда он снова забылся и ему стало казаться, что пылающий танец русалки предназначен только для него, призрачная фея сделала несколько шагов, вышла из воды и скрылась из виду.

Проклятье!

Очарованный, переполненный любопытством и желанием, Константин осторожно передвинулся на несколько ярдов вперед и медленно раздвинул ветки кустарника. Теперь прекрасная брюнетка и ее спутник были перед ним как на ла-

дони и Куприянов почувствовал пронзительно-острый укол ревности – она была в объятиях мужчины! И в каких объятиях!!

На песчаном берегу озера черноволосую русалку поджидал настоящий неандерталец. Гигантского роста самец с чудовищно, как показалось Константину, раздутыми мышцами. Когда Куприянов занял новый наблюдательный пункт, неандерталец уже лапал чарующее тело красавицы. Распаленный страстным танцем, лапал грязно и похотливо, совершенно не обращая внимания на неземную, захватывающую красоту обласканной Луной женщины. В нем тоже было что-то первобытное. Животное.

Почему она с ним? Константин машинально сжал кулаки. Будь оно все проклято!!

Ревнующий, оскорбленный, охваченный жгучим желанием, он хотел уйти, но был не в силах оторвать взгляд от брюнетки. Ее красота полностью овладела сердцем Куприянова и повелительно приказывала: останься! Ее красота... Выющиеся волосы достигали высокой груди незнакомки, на правом полушарии которой была вытатуирована ящерица, волосы чуть закрывали ее. Живые черные глаза блестели в окружении невероятно длинных и пушистых ресниц. Стрелы бровей, высокие скулы, ямочки на щеках, аккуратный носик, полные губы. В ней было что-то восточное. В ней была тайна, и в ней был пожар. Черный пожар. Черный пожар волос, черный огонь глаз, черное мерцание ногтей. Все от-

тенки черного переплелись в пылающей на берегу русалке. Все оттенки черного играли с Куприяновым в безжизненном свете Луны.

И вырваться из черного пламени у него не было сил.

Константин жадно ловил каждое движение женщины: как грациозно она склонилась над неандертальцем, как властно вдавила в песок его широченные плечи, как медленно оказалась на нем. Мужчина застонал и его громадные, лопатообразные ладони сжали бедра красавицы. Женщина чуть откинулась назад, слегка прикусила нижнюю губу и закрыла глаза. Лунный свет нежно окутывал ее изогнутую спину, упругую грудь и напряженное лицо.

Неандерталец рычал.

Глаза Куприянова залил пот, и эта едкая соленая жидкость немного отрезвила его. Константин медленно попятился, выбрался из кустарника, вытер лоб рукой и побрел к машине.

Он дрожал.

Впервые в жизни Куприянов наблюдал вблизи чужую любовь. Даже не любовь – обжигающую страсть, о существовании которой уже начал забывать. Страсть, пронзающую душу, пропитывающую насквозь, выворачивающую наизнанку, повелевающую забыть обо всем на свете. Страсть поглотила Константина, накрыла с головой и требовала немедленного выхода. Куприянов давно не испытывал такого неудержимого желания, такой жажды женской близости. Черный

огонь ослепительной незнакомки пожирал его душу.

Он требовал...

И все-таки Константин задержался у «Мустанга». Зачем? Он вряд ли смог объяснить. Просто был не в силах пройти мимо.

«АННА».

Медленно, с какой-то пугающей внимательностью Куприянов оглядел брошенную в салоне одежду: мужские брюки, пиджак, дорогое женское белье, и его взгляд остановился на изящной дамской сумочке, небрежно стоящей на переднем сиденье. Повинуясь какому-то дикому, неестественному порыву, Константин распахнул дверцу «Мустанга». В ноздри ему ударил дразнящий запах мускуса.

Ее запах.

Куприянов открыл сумочку.

Они сразу же бросились в глаза. Блестящие, изогнувшиеся змеиными кольцами, привлекающие внимание.

Черные четки.

Пребывая в полной прострации, Константин жадно схватил их, сунул в карман, бросил сумочку обратно на сиденье, захлопнул дверцу «Мустанга»...

«АННА».

... и быстро, словно испуганный школяр, бросился к своей машине.

Анна

Она редко ошибалась в выборе мужчины, умела с одного взгляда оценить, чего стоит и чего заслуживает очередной самец, пожирающий глазами ее тело. Не ошиблась и на этот раз. Хотя нет, наверное, все-таки ошиблась. В положительную сторону. Ее нынешний спутник оказался гораздо лучше, чем ожидалось. Как его зовут? Колян? Вован? Столь мелкая подробность давно выветрилась из черноволосой головы Анны, а вот сам жеребец наверняка запомнится. Крепкий, огромный, неутомимый, он терзал ее, заставляя испытывать ни с чем не сравнимое чувство болезненного наслаждения. Она отключилась, в кровь искусав нижнюю губу и чувствуя только его грубые и сладкие руки, бешеное желание и неукротимый напор.

Анна даже вскрикнула в тот момент, когда жгучая волна раскаленного удовольствия поглотила ее с головой, а стальные объятия любовника едва не раздавили кости. Вскрикнула по-настоящему. Такое с ней случалось редко.

– А ты сильна, – с уважительным высокомерием сообщил мужчина. – И то, как ты... – подбирая слова, он описал в воздухе несколько кругов рукой, – то, как ты делала это в воде. Мне понравилось.

– Я – королева Луны. – Ее черные глаза были устремлены на нависший над озером огромный диск ночного свети-

ла, чей серебряный свет нежно ласкал ее тело, не позволяя почувствовать ночной холод. – Я – повелительница ночи.

– Конечно, конечно, – легко согласился Колян (Вован?).

– Ты мне не веришь?

– Я же сказал: конечно.

– Посмотри, как липнет ко мне лунный свет. – Анна томно потянулась. – Мы созданы друг для друга!

– Всем женщинам идет лунный свет. – Его огромная ладонь по-хозяйски смяла ей грудь. – Вы созданы для этого.

Теперь он навалился на нее сверху. Грубо, жадно.

– Хочешь еще?

– А ты уже устала? Я слышал о тебе совсем другие истории.

– Неужели?

Анна тихо простонала и скрестила за его спиной ноги, крепко-накрепко прижав любовника к себе.

– Другое дело!

Она провела рукой по его огромным плечам.

– Хочешь чего-нибудь остренького?

– Я слышал, ты большая мастерица по этой части. – Его горячее дыхание обожгло ей щеку. – Настоящая кошка.

– А кошку украшают когти.

Ее черный, твердый, как тигриный, коготь скользнул по плечу Коляна (Вована?). Из глубокой царапины выступила кровь.

– Это все, на что ты способна?

– Это только начало, – улыбнулась Анна и жадно слизнула солоноватую полоску. – Это только начало.

– Надеюсь!

Снова пришлось закусить губу – он был очень хорош, – когда же она перевела дыхание, из-под ее полных губ показались два длинных клыка. Анна еще теснее прижала любовника к себе.

– Да!

Он действительно был хорош. Ее губы дрожали, а тело уже продавило в песке глубокую ложбинку.

Ее черные глаза покраснели.

Колян (Вован?) был полностью поглощен сексом.

Анна нежно укусила любовника в бычью шею. Она знала, что эта ласка понравится ему, и действительно Колян (Вован?) издал довольное урчание и еще активнее задвигался на ней. Она снова чуть откинула голову, снова закусила губу, перевела дыхание, улыбнулась, слизывая с полных губ кровь и, наконец, впилась в него по-настоящему, полностью погрузив длинные клыки в могучую шею.

– Да! Да!! – ревел он, двигаясь с интенсивностью гидравлического пресса.

Его напор не ослабевал, усиливался, заставляя Анну непрерывно вздрагивать от неопишуемого наслаждения. И она вздрагивала, не отрываясь от его шеи, жадно глотая солоноватую жидкость и чувствуя, как, поглощенный страстью, он отчаянно напрягает все силы, чтобы продолжить свое де-

ло, как этих сил становится все меньше и меньше, а его усилия все слаще и слаще для нее, даруя острое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Они вскрикнули одновременно.

Он резко вытянулся в струну, его могучее тело судорожно сделало последний рывок и, обессиленное, выжатое досуха, упало на нее. И в миг этого последнего движения Анну пронзила такая яркая вспышка, что она вновь не смогла удержаться от возгласа. Она оторвалась от шеи любовника и громкий, полный пронзительного удовольствия стон прозвучал над темными водами озера. Ее длинные ногти еще несколько мгновений, по инерции, царапали широченные плечи Коляна (Вована?), но кровь из царапин уже не выступала.

Пару минут она приходила в себя, затем с неожиданной силой отбросила безжизненное тело любовника в сторону, легко поднялась и, потная, окровавленная, потянулась навстречу полной Луне. Призрачный свет пронзил прекрасное тело повелительницы ночи. Она вскинула руки.

– Я – королева Луны! – Ее черные глаза сияли ярче боязливых звезд. – Я – хозяйка Вечного Мрака! – Притихли даже совы, лениво перекликавшиеся где-то далеко-далеко. Окутанная тьмой земля внимательно вслушивалась в слова купающейся в серебре черноволосой женщины. – Я – черное пламя страсти!!

Анна рассмеялась своим чарующим, озорным смехом и легко побежала по лунной дорожке, вызывая целый фонтан

блестящих брызг.

– Никто не может сравниться со мной!!

Холодная вода послушно приняла ее разгоряченное тело.

Константин

В спальне царил полумрак: Вера специально не выключила один ночник, чтобы Константин не блуждал в темноте, и крепко спала, свернувшись калачиком на своей стороне широкой кровати. Снедаемый жгучей страстью, Куприянов быстро сбросил одежду, забрался под одеяло и нежно провел рукой по плечу жены:

– Вера.

Она сонно улыбнулась, пробормотала что-то, но не открыла глаз.

– Вера!

Он взъерошил ее короткие каштановые волосы, поцеловал шею, нежно укусил в розовое ушко, провел рукой по бедру, но все было напрасно: женщина не просыпалась. Страсть горела в нем диким лесным пожаром.

– Вера!!

Константин раздраженно закутался в одеяло и повернулся к жене спиной. От черных четок, выпавших из кармана, по спальне распространился легкий, едва осязаемый аромат мускуса.

///

Страсть, разбуженная ночью, не отпускала ни на минуту.

Проснувшись, а он всегда просыпался ровно в половине восьмого без всякого будильника, Куприянов снова попробовал разбудить Веру. И снова безуспешно. Сонная жена лепетала что-то бессвязное, улыбалась, но упорно не желала открывать глаза.

«Приняла снотворное? – Константин знал, что Вера иногда употребляла его. – Может, вчера, после скандала, она специально наглоталась таблеток, чтобы я не мог ее добудиться?»

Раздраженный мужчина принял обжигающе холодный душ, но успокоиться не смог: Куприянов по-прежнему горел. Вернувшись в спальню, еще раз попытался растормошить жену, но вскоре прекратил бесполезные попытки и начал одеваться.

Черные четки Константин положил в карман пиджака.

И всю дорогу до офиса задумчиво перебирал бусины, изредка улавливая исходящий от них легкий аромат мускуса.

Ювелирная компания «Куприянов» занимала прекрасно отреставрированный трехэтажный особняк на Пятницкой улице. В свое время Константину пришлось крепко постараться, чтобы выкупить это здание, памятник старой московской архитектуры. На его счастье, после семидесятилетнего красного варварства особняк находился в таком состоянии,

что спасти его могла только срочная и дорогостоящая реконструкция. Константин отыскал деньги, клятвенно пообещал, что дом примет перевозданный облик и городские власти пошли ему навстречу. Так сбылась очередная мечта Куприянова. Он выбрал Пятницкую не по соображениям престижа – «центр Москвы, знаете ли», – а по любви. Он обожал эту кривоватую улицу, обрамленную еще более кривенькими переулками, на которой местами еще сохранился дух старого Замоскворечья, дух купцов и меценатов. Константин вырос здесь и потому, подбирая особняк для фирмы, он не рассматривал другие варианты. Только здесь.

Страсть не отпускала его.

Продолжая мрачно перебирать черные четки, Куприянов поднялся на третий этаж, сухо кивнул расчесывающей волосы секретарше и прошел в кабинет.

– Леночка, сделай, пожалуйста...

– Кофе уже готов, Константин Федорович.

Впервые за все утро на губах Куприянова промелькнуло слабое подобие улыбки: Леночка всегда на лету угадывала его желания. Все желания.

Он бросил четки на стол и улыбнулся вошедшей в кабинет девушке.

– Спасибо.

На Леночке была тоненькая темная блузка, строгая юбка чуть выше колен, черные чулки и туфельки на высокой шпильке. Стройную шею украшало жемчужное ожерелье.

Его подарок.

– У вас плохое настроение? – Она склонилась, ставя поднос с кофе на стол, и в вырезе блузки мелькнуло черное кружево лифа.

– Было плохое. – У Леночки была ладная спортивная фигурка: длинные стройные ножки, тонкая талия и красивые руки. Куприянова захлестнуло желание. – Было плохое, пока я не увидел тебя.

– Я так и поняла.

Она задержалась еще на секунду, а затем откинула с лица шелковистые светлые волосы и посмотрела на Константина:

– Что-нибудь еще?

Куприянов молча увлек Леночку к себе на колени и жадно впился в ее губы.

– Костя, дверь...

– Конечно. – Он выпустил девушку из объятий, но не сводил глаз с ее стройной фигурки.

Леночка игриво улыбнулась, быстро закрыла дверь в приемную, вернулась в кабинет и, остановившись в дверях, стала медленно расстегивать блузку. Куприянов ослабил галстук.

Вера

Неожиданно для самой себя Вера проснулась очень поздно, почти в половине двенадцатого, проспав и завтрак и, что уж она совсем никогда себе не позволяла, утреннюю встречу с четырехлетней Наденькой.

Обычно, услышав, как поднимается Костя, как он тихонько выходит из спальни, осторожно прикрывая за собой дверь, Вера некоторое время дремала, недолго, минут пятнадцать-двадцать, затем поднималась, принимала ванну и выходила проводить Костю-младшего в школу. Правда, сейчас было лето, но она все равно поднималась – по привычке. Затем следовал легкий завтрак, который Ольга Петровна, экономка и домоправительница, накрывала в столовой, после чего Вера шла будить Наденьку. Несмотря на то что к Наденьке была приставлена Клавдия Степановна, квалифицированная и опытная гувернантка, Вера всегда будила дочку сама, считая, что первая улыбка ребенка должна принадлежать матери и никому более. Ну, может быть, отцу. И только. Вера сама расчесывала каштановые кудри дочери, такие же густые, как у Кости-старшего, сама одевала ее и отводила на завтрак, где и передавала в опытные руки Клавдии Степановны. Так было всегда, но не сегодня.

Сегодня Вера проснулась почти в половине двенадцатого. Отдохнувшая, посвежевшая, с ясной головой и в прекрасном

настроении. Она совершенно не слышала, как вечером вернулся, а утром уехал на работу Костя, не позанималась с дочерью. То ли от обиды за испорченный вечер, то ли из-за накопленной усталости, но Вера спала как мертвая, мгновенно отключившись, едва ее голова коснулась подушки.

И спала крепко, без сновидений.

Открыв глаза, Вера блаженно потянулась, нежась на простынях, и улыбнулась, глядя, как солнечные лучи игриво скачут по спальне.

«Может, стоит почаще ругаться с мужем? – весело подумала она, наслаждаясь безмятежным бездельем. – Оказывается, вечерний стресс благотворно действует на организм».

Даже мысль о ссоре не вызвала у Веры обычного в таких случаях напряжения.

«Все будет хорошо. Просто вчера был трудный день для всех. Не наш день. Сегодня все иначе».

Вера поднялась, накинула легкий халат и выглянула в окно: Наденька под бдительным оком раскачивалась на установленных в саду качелях. Половина двенадцатого, через полчаса они направятся в бассейн.

«Надо будет присоединиться к ним там, – решила Вера. – Наденька наверняка спрашивала, где мама».

Мурлыча под нос старую песенку, Вера широко потянулась, повернулась от окна и вдруг замерла.

Совершенно неожиданно она ощутила в спальне что-то незнакомое, чужое. Что-то смутное, но не уходящее. Но что?

Вера нахмурилась, задумчиво покусала губу и поняла: запах. Легкий, почти неосязаемый запах мускуса, с трудом, но все-таки пробивался через ее любимый аромат ландыша, которым была пропитана комната.

Мускус?

Вера удивленно огляделась. Может, Костя приготовил ей подарок? Какие-нибудь новые духи? Не стал будить, а просто оставил где-нибудь? Вера даже посмотрела на тумбочку, но та оказалась пуста. Да нет, Костя никогда не покупал ей косметику и духи и, насколько она знает мужа, никогда не будет покупать. Так же, как она никогда не станет выбирать для него галстуки. В этом мире еще остались незыблемые вещи.

Но откуда запах?

Вера снова оглядела спальню и вздрогнула: на Костиной подушке лежали блестящие черные четки.

«Четки?!»

Удивленная Вера подошла к кровати, нагнулась, протянула руку, но когда ее ладонь вот-вот должна была коснуться странного предмета, она ощутила только прохладу шелковой наволочки. Вера отдернула руку и снова посмотрела на подушку.

Четок не было.

«Что за ерунда?»

Запах мускуса исчез. Или она перестала его ощущать. Спальня вновь стала знакомой и родной. Вера присела на кровать, подперла голову руками и задумчиво уставилась в

ОКНО.

Слабые, но настойчивые, как недавний запах мускуса, дурные предчувствия закрались ей в душу.

Константин

Как бы странно и необычно это ни звучало, но у Куприянова никогда не было постоянной любовницы. Более того, ни разу, ни до свадьбы, ни после, он не изменил Вере, хотя предложения ему поступали самые заманчивые и откровенные, особенно после того, как принадлежащая ему компания вышла на одну из ведущих ролей в российском ювелирном бизнесе. Константин богател, добился благосостояния, стал миллионером, мультимиллионером, проглотил добрую дюжину конкурентов, но ни разу не позволил себе предать Веру. Он знал ее с детства. Он был у нее первым и единственным, и она была первой и единственной у него. Они были созданы друг для друга. Она была хранительницей его очага и матерью его детей, и это было очень важно. Вера была его опорой и оплотом, надежным тылом, который Константин тщательно оберегал от внешнего мира. Куприянов высоко ценил ее ум и заботу, ее нежность и преданность. Ценил и отвечал тем же. В кругу знакомых у Константина была сложившаяся репутация законченного подкаблучника, помешанного на бизнесе и семье. И Куприянов тщательно поддерживал эту репутацию.

Особенно после того, как в его жизнь вошла Леночка.

Новую секретаршу ему подбирали очень тщательно. Кандидатке необходимо было понравиться не только самому

Куприянову, но и начальнику службы безопасности, старому волку, прошедшему школу имперской безопасности, начальнику отдела кадров, по минутам изучавшему биографии соискательниц, и, самое главное, Маргарите Викторовне, предыдущей секретарше Константина, возраст которой больше не позволял работать с требуемой интенсивностью. В результате длительного и жестокого отбора в приемной Куприянова удалось обосноваться Леночке Прытковой, стройной и серьезной блондинке двадцати четырех лет от роду. И, надо отметить, энергия участников отбора была потрачена не зря: Куприянов даже не заметил, что у него сменилась секретарша, а это само по себе было высокой оценкой.

Потом он обратил внимание на то, что работа стала делаться быстрее, что письма на французском не надо исправлять: Маргарита Викторовна, свободно владевшая немецким и английским, не очень дружила с языком Сартра, и что даже сухой и желчный Вальтер Браун, крупнейший европейский партнер Куприянова, удостоил похвалы его нового «личного помощника». А потом Леночка сопровождала Константина на сложные переговоры в Лондон. В этом не было ничего необычного: Маргарита Викторовна тоже принимала участие в его командировках, но Леночке было всего двадцать четыре года, и у нее были шелковистые волосы и ясные голубые глаза. И ясный ум. Переговоры прошли успешно. Обрадованный и счастливый Куприянов устроил девушке роскошную экскурсию по старинному городу, окончившуюся

ужином в дорогом ресторане и, как ни пошло это звучит, совместным походом в ее гостиничный номер. Именно там, на простынях лондонского «Хилтона», Константин впервые в жизни изменил жене. Это было около года назад.

Сказать, что на следующее утро Куприянов был подавлен, значит, не сказать ничего. Блестящий предприниматель, хладнокровный стратег, железной рукой управляющий многомиллионным бизнесом, был похож на побитую собаку, не знающую, куда деваться и как себя вести. Он прятал глаза и мямлил что-то нечленораздельное, а обращаясь к Леночке, постоянно сбивался на «вы». На его счастье, белокурая секретарша уже успела изучить шефа. Несмотря на свою молодость, Леночка прекрасно отдавала себе отчет в том, чем может закончиться кавалерийский наскок на такого мужчину: слезливым покаянием жене, уверениями в преданности до гроба и апофеоз – увольнение сексапильной сотрудницы, во имя сохранения семьи. Подобная перспектива Леночку абсолютно не устраивала, поэтому она потратила целый день и использовала все свое красноречие, чтобы успокоить Константина, заставить его не считать происшедшее трагедией.

И преуспела.

Куприянов вернулся к Вере и подарил ей выбранный Леночкой браслет. А через неделю, когда Вера и дети улетели на сочинскую дачу, он остался ночевать у Леночки. Их встречи не были частыми: два-три раза в месяц на квартире, которую снял Константин, изредка – непосредственно в офи-

се. Леночка не форсировала события, привязывая Куприянова исподволь, осторожно, наверняка. Их служебные отношения не претерпели изменений: Леночка оставалась прекрасной секретаршей и всегда обращалась к шефу на «вы» и «Константин Федорович». Она была умной девочкой, и ее дела шли в гору: и без того немаленькая зарплата выросла в несколько раз, вместо старенькой «пятерки» у нее появился новенький «БМВ», бижутерию сменили настоящие бриллианты, а два месяца назад она сопровождала Куприянова на международную ювелирную конференцию в Майами. Раньше в такие «прогулочные» командировки Константин всегда отправлялся с Верой.

Леночка была умной девочкой.

– У тебя было плохое настроение, – Леночка щелкнула зажигалкой и раскурила длинную тонкую сигарету. – Что-то случилось?

– Теперь все позади. – Куприянов нежно провел ладонью по ее шелковистым волосам, подумал, потянулся и поцеловал девушку в маленькое ушко. – Все позади.

Безумная страсть, душившая его со вчерашнего вечера, выплеснулась наружу яростной и яркой вспышкой близости с Леночкой, теперь Константин мог расслабиться.

– Точно?

– Абсолютно.

– Тогда я рада. – Девушка откинулась назад, немного поиграла розовыми, цвета ее аккуратных сосков, жемчужинами ожерелья и озорно прищурилась: – Ты просто хотел меня?

– Да, я хотел. – Куприянов погладил ее бедро. – Очень хотел.

– Сегодня ты был довольно резок.

– Это от нетерпения.

– Мне даже показалось, что ты хотел сделать мне больно.

– Это не так, маленькая, поверь. – Он снова взъерошил Леночке волосы, скользнул взглядом по ее обнаженной груди и почувствовал зарождающееся желание.

«Нет, хватит на сегодня».

Константин нащупал лежащие на столе черные четки и машинально взял их в руку.

– Твои? – удивилась девушка.

– Ага.

– Жемчуг?

– Нет, не думаю. – Куприянов растерянно посмотрел на черные бусины. Он превосходно разбирался в камнях, но определить, из чего сделаны четки, не мог. – Точно не жемчуг.

– Откуда они у тебя?

– Подарок.

– Славные, но... – Леночка пристально посмотрела на чет-

ки, а затем, не менее пристально, в глаза Константина: – Знаешь, мне они не нравятся.

– Почему? – удивился он.

– Мне кажется, они смотрят.

В проникающем в кабинет солнечном свете крупные бусины четок переливались всеми оттенками черного.

– Не говори ерунды, – поморщился Куприянов.

Теперь, когда пылающая страсть оставила его, Константин перебирал четки гораздо медленнее, ласково поглаживал пальцами гладкие бусины, и перед его глазами неизменно вставал восхитительный образ ночной русалки. Загадочной черноволосой красавицы.

«АННА».

– Кажется, наше совещание несколько затянулось, – пробормотала Леночка и, соскользнув со стола, стала поправлять юбку.

Перебирающий четки Куприянов внимательно следил, как девушка приводит себя в порядок, сам застегнул ей лиф, подал блузку и привлек Леночку к себе.

– Мне было хорошо с тобой, маленькая.

– Мы увидимся на этой неделе?

– Мы постараемся.

– Я буду ждать.

Одной рукой он обнимал Леночку за талию, а другой, на которой были надеты четки, погладил ее шею. Девушка чуть вздрогнула, когда прохладные черные бусины коснулись ее

кожи, но послушно подалась вперед и страстно ответила на поцелуй Константина.

Леночка

День прошел в обычной деловой суете. Сбросивший напряжение Куприянов с головой погрузился в дела, легко и быстро втянувшись в повседневные заботы. Он уехал из офиса в половине девятого вечера, а вскоре после засобира-лась домой и Леночка. Она выключила компьютер, пару минут расслабленно сидела в кресле, мягко массируя пальца-ми виски, вытащила из сумочки косметичку и направилась в туалетную комнату.

В пустынном офисе было очень тихо.

Леночка поставила косметичку на маленькую полочку, пустила воду в умывальнике, мельком взглянула на свое от-ражение в огромном зеркале и уже собиралась набрать в ла-дошку жидкого мыла, как ее глаза удивленно расширились. Она снова посмотрела на свое отражение.

Розовое жемчужное ожерелье, украшающее ее шею, было черным.

Несколько мгновений Леночка ошеломленно разглядыва-ла мерцающие в электрическом свете черные бусины, а затем медленно поднесла к ним руку и осторожно дотронулась до жемчуга пальцем.

Ничего не изменилось.

– Не может быть.

Леночка почувствовала, как пробежали по спине непри-

ятные мурашки. Обхватившие стройную шею бусины смотрели девушке в глаза и зловеще переливались черным. Со всем как четки Куприянова.

Что происходит? Где розовый жемчуг? По телу Леночки разливалась дрожь.

Она снова дотронулась до ожерелья и с криком отдернула руку: жемчуг оказался холодным и скользким! Это не бусины! Это змея обвивает смертельными кольцами ее шею! Ожерелье зашевелилось, и из-за плеча девушки поднялась треугольная голова с немигающими бусинками глаз. Черных и мерцающих, которые властно устремились в расширенные от страха голубые глаза Леночки.

Пару мгновений девушка и тварь смотрели друг на друга. Кольца на шее снова пришли в движение, холодной петлей заскользив по нежной коже Леночки.

– Нет, – еле слышно прошептала девушка.

Ее щеку обжег раздвоенный язык.

– Нет!! – Отчаянный крик потряс безжизненный особняк, заставив подпрыгнуть дежуривших на первом этаже охранников.

Леночка сорвала с шеи ядовитое ожерелье, отбросила его в сторону и пулей вылетела из туалета.

– Вы уверены, что не стоит вызвать врача, Елена Викто-

ровна? – снова поинтересовался Григорий, могучий охранник, с медвежьей нежностью обнимающий девушку. – Успокоительное...

– Нет, спасибо, – тихо ответила Леночка, – я уже в порядке.

В общем-то охранник и сам видел, что девушка постепенно приходит в себя: крупная дрожь, которая была секретаршу Куприянова, ушла и теперь она лишь изредка всхлипывала, уткнувшись в грудь Григория, но охранник хотел подстраховаться. Кто знает, чем закончится эта история? Истерика, в которой билась Леночка всего несколько минут назад, произвела на него сильное впечатление.

«Заработалась? Или задание какое заперола?»

– Это все, что я нашел в туалете. – Второй охранник, коренастый Валя, показал напарнику фуражку, наполненную крупными розовыми жемчужинами. – Елена Викторовна, это ваше?

Леночка повернулась и взглянула на остатки ожерелья. Ее губы слегка запрыгали.

– Там была змея.

Охранники переглянулись.

– Елена Викторовна, – мягко произнес Валя, – поверьте, в туалете нет змей. Я все проверил.

– Возможно. – У Леночки все-таки хватило сил взять себя в руки. – Возможно, мне просто показалось.

Но от фуражки, наполненной дорогим жемчугом, девуш-

ка старалась держаться подальше.

– Валя, вы не могли бы... – ее голос предательски задрожал, – вы не могли бы сохранить это для меня? Я заберу жемчуг завтра. Хорошо?

– Как скажете, Елена Викторовна, – пожал плечами охранник. – Я запечатаю его в пакет и положу в наш сейф. Заберете, когда сочтете нужным.

– Спасибо.

– Может быть, вызвать для вас такси, Елена Викторовна? – заботливо предложил Григорий.

– Нет, я доеду сама, – подумав, отказалась девушка. – Проводите меня, пожалуйста, до приемной – мне надо забрать сумочку.

– Конечно.

Григорий направился следом за Леночкой, но, успев заметить, как Валя многозначительно постучал по лбу пальцем, согласно кивнул напарнику. Девица явно заработалась.

Константин

Сегодня Куприянов приехал домой в обычное время: минут за пятнадцать, до того как дети должны были отправиться спать. Он еще успел перекинуться парой слов с Костей-младшим, поцеловал каштановые кудри полусонной Наденьки и пожелал ей спокойной ночи. Когда Вера, уложив дочь, спустилась в гостиную, Куприянов, сбросивший пиджак и галстук, расположился в глубоком кресле с бокалом коньяка в руках.

– Ты уже пьешь? – Вера устроилась на диване.

– Я поужинал в офисе, – пояснил Константин, смакуя коньяк.

– Как день? – Вера ощущала некоторую неловкость.

«Или натянута?»

– День прошел так же странно, как начался, – пробормотал Куприянов, разглядывая бокал на свет. – Кстати, я думал, ты перестала принимать транквилизаторы.

– Я их не принимаю. – Вера удивленно посмотрела на мужа.

– Вчера вечером, когда я вернулся, ты спала и я не смог тебя разбудить.

– Ах, это! – Вера улыбнулась. – Знаешь, мне и самой интересно. Я уснула! Уснула так крепко, что проснулась только в половине двенадцатого! Представляешь?!

– В самом деле?

– И я замечательно выпалась. – Вера подобрала под себя ноги и озорно посмотрела на Костю.

– Мне нужно поработать. – Куприянов поставил бокал на столик и поднялся. – Я буду в кабинете.

Это означало, что и спать сегодня он будет там. Война продолжается?

– Костя. – Вера вздохнула. – Костя, ты все еще злишься?

– Нет. – Куприянов задержался, улыбнулся и нежно поцеловал жену в губы. – Я действительно сильно устал. И мне действительно надо поработать.

– У нас мир?

– У нас любовь.

– Я люблю тебя, Кот.

– Я люблю тебя, Звездочка.

Вера блаженно улыбнулась, откинулась на спинку дивана и вдруг тихо вскрикнула. Куприянов резко развернулся:

– Что случилось?

– Откуда это у тебя?

Константин удивленно проследил за испуганным взглядом жены, направленным на блестящие черные четки, которые он вытащил из кармана.

– Откуда они у тебя?

– Четки?

«АННА».

Отвечать надо было немедленно.

– Сувенир из Индии, от Раджива. Черный жемчуг, кстати.

А в чем дело?

– Они мне не нравятся, – пробормотала Вера. Черная волна неприятных предчувствий вновь окутала ее. – Они мне не нравятся.

– Ты просто не ожидала их увидеть, – улыбнулся Константин и направился в кабинет.

Вера осталась одна.

Анна

Кубань, десять лет назад

Теплая южная ночь мягко окутывала засыпающую землю. Ее бархатный полог, усыпанный блестящими звездами, плавно опустился и на притихшую рощу, превратив ее в мрачный и таинственный массив, и на широкое поле, обманчиво рассеяв линию горизонта. Казалось, победа тьмы неизбежна. Казалось, еще чуть-чуть, и тяжелый покров мрака окончательно смешает небо и землю, лишив наблюдателя всякой возможности понять, в какой стихии он находится, но этого не произошло. Полная кроваво-красная Луна зловещим костром запылала на небе, не позволив ночи стать полновластной хозяйкой земли.

В стоге сена, притаившемся на краю поля, послышалось легкое шуршание и тихий девичий смех.

– Мишенька, не надо.

– Почему не надо, Ань?

– Ну не надо...

– А что же мы тогда здесь делаем?

Их губы встретились, и некоторое время ничто не нарушало тишину летней ночи. Затем девушка снова отстранилась:

– Для этого. Но и все.

Голос был мягок, но чувствовалось, что решение девушки приняла окончательное. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Смуглая, черноволосая, с большими горящими глазами и пухлыми алыми губками, она обещала вырасти в настоящую принцессу. Крепкую, сильную и красивую, под стать своей прекрасной земле. На девушке были коротенькие джинсовые шорты и тонкая желтая блузка, соблазнительно облегающая упругую и довольно большую для ее возраста грудь.

– Ничего другого не будет.

– Почему не будет? – обиженно спросил Мишка.

Он был старше подруги года на два-три, носил спортивные штаны и белую футболку. Крепкие жилистые руки парня, привыкшие к сельскому труду, жадно ласкали упругое тело девушки.

– Почему не будет, Ань?

– Рано нам еще.

– Да ладно тебе, рано! И ничего не рано. Вон Лешка с Нинкой вовсю уже!

– Чего вовсю? – поинтересовалась девушка.

– Ну, это... – Мишка смутился. – Я точно не знаю...

– Это тебе Лешка сказал?

– Ничего он мне не говорил.

– Лешка, да?

– Ну, сказал, – сдался парень. – Ну и что?

– Вот видишь, – торжествующе произнесла девушка, –

сначала сами пристааете, а потом по всей станице слухи гуляют.

– Да ничего не гуляют. – Сбитый с толку Мишика чуть нахмурился, почесал в затылке, а потом снова пошел на приступ: – У нас же все по-другому будет, Ань.

Девушка позволила его рукам расправиться с пуговицами блузки, тяжело задыхалась, когда Мишика ласкал ее наливающуюся женственной силой грудь, гладил стройные бедра, но как только его пальцы скользнули по застегкам шорт, Анна крепко сжала их рукой.

– Не надо.

– Почему?

– Посмотри, какая Луна страшная.

Огромный диск, словно специально нависающий над стогом, Мишика был готов рассматривать только как бесплатный фонарь. Любоваться ночным светилом он не собирался.

– Луна как Луна, – проворчал парень, жадно поглаживая возделенное тело подруги. – Ты меня вообще-то любишь?

– Полнолуние, – задумчиво произнесла Анна, словно не слыша его вопроса. – Знаешь, а говорят, что в такие ночи мертвяки из могил встают.

– Ага, и на дискотеки приходят.

– Нет, правда. – Девушка приподнялась на локте, и ее живые черные глаза, обрамленные длинными ресницами, внимательно уставились на Мишику. – Мне баба Тоня рассказывала. Собрались они как-то с мужем, Кузьма Ильич,

царство ему небесное, тогда еще жив был, в Краснодар. Съездили, все дела свои переделали, а как возвращаться, у кума задержались, у Трофима Егорыча. Выехали часов в пять, думали к полуночи добратся, да как мимо Санаевского кладбища проезжали, ось у них в телеге поломалась.

Голос у Анны был глубокий, с легкой хрипотцой, прекрасно подходящий для рассказывания подобных страшилочек. Мишка, поначалу просто любовавшийся полуобнаженной подругой, поневоле заслушался.

– И только они остановились, из-за кладбища Луна всходит, огромная, красная-красная, как сейчас.

Парень машинально бросил взгляд на мрачный диск, нависающий над стогом.

– Баба Тоня сразу поняла: быть беде, и мужу говорит: уезжать надо. Да куда поедешь? Ось-то сломана. Утра ждать надо. А из-за ограды звуки странные доносятся. Будто стонет кто-то. Баба Тоня, как эти звуки услышала, так и похолодела. В Кузьму Ильича вцепилась, а тот ее успокаивает, мол, бредни бабские. Посмеялся, закурил, чего, мол, дура, переживаешь? Баба Тоня смотрит, а по дороге, что кладбище огибает, путник к ним приближается. Кузьма Ильич засмеялся, народу здесь больше, чем в Краснодаре в базарный день, и к путнику обращается: мол, здравствуйте вам. Тот отвечает, чего, говорит, поломались? Баба Тоня сидит ни жива ни мертва от страха. Голос путника ей знакомым показался, а лица разглядеть не может: шляпа

на нем с полями большими.

Анна отбросила непослушную прядь волос и чуть одернула блузку, прикрывая грудь. Ее чарующий голос все глубже и глубже погружал Мишку в почти гипнотическое состояние.

— А путник говорит, чего, мол, здесь ночуете? Чего к сторожку не идете? Он таких гостей очень даже привечает. А где сторожка, спрашивает Кузьма Ильич. Да на той стороне, отвечает путник, пошли напрямик, через кладбище, за пять минут дойдем. И только Кузьма Ильич с телеги прыгнуть хотел, как баба Тоня хватъ и сдергивает с путника шляпу, а там — череп голый! Мертвяк перед ними открылся! Разложившийся почти, кожа с костей свисает, черви по нему ползают, все изъели!

Мишка вздрогнул. На мгновение ему показалось, что цветущие щечки Анны посерели, на них выступила зловещая мертвенная бледность, а на скуле появилось смрадное пятно. Он тряхнул головой и снова посмотрел на возбужденную подругу. Показалось.

— Ах так, кричит путник, ко мне, мои друзья верные! — азартно продолжила девушка. — Не упустите добычу! И через ограду мертвяки полезли. Баба Тоня на телегу свалилась, молитву шепчет, да кобыла выручила. Кобыла у них была знатная, племенная. Как мертвяки через ограду полезли, она на дыбы встала да припустила оттуда, что было сил, и телегу за собой утащила. Баба Тоня говорит, что только у Санаевки они кобылу остановить смогли. — Анна

помолчала, снова поправила волосы и серьезно посмотрела на парня. – А путника того баба Тоня потом определила. Агроном это был санаевский, по фамилии Бердыев. Он аккурат за полгода до этого случая преставился.

Мишка стряхнул с себя оцепенение и, глядя в колдовские глаза девушки, попросил:

– Ань, ты бы заканчивала ерунду городить, а?

– Страшно? – Анна откинулась на спину и тихонько расмеялась. В лунном свете блеснули ее ровные белые зубки.

– Да ничего не страшно, – недовольно ответил Мишка, хотя где-то в животе у него поселился противный ноющий холодок. – Баба Тоня твоя еще и не то расскажет.

– Баба Тоня никогда не врет, – не согласилась девушка. – Вся станица это знает.

– А я и не говорю, что она врет, – пожал плечами парень. – Может, они и вправду от санаевского кладбища как угорелые мчались, только привиделось им все это.

– Как это привиделось?

– А вот так, напились небось у кума, вот и привиделось.

– Напились? – В глазах Анны мелькнула хмурое недовольство. – Значит, не веришь?

– А чему здесь верить? – хмыкнул Мишка. Действие чарующего, чуть хриплого голоса закончилось, холодок из живота куда-то пропал, и парень почувствовал себя гораздо увереннее: – Сказки все это.

Его рука вновь скользнула под желтую блузку девушки.

– А я эти истории страсть как люблю, – призналась Анна. – С детства слушаю.

– Ну и зря, – пробормотал Мишка. – О тебе и так уже говорят...

– Что говорят?

– Да ничего.

– Что говорят? – Девушка отстранилась.

Парень тяжело вздохнул, укоряя себя за излишне длинный язык.

– Ну, говорят, что ты иногда так посмотришь...

– Это тетка Прасковья, что ли, сплетничает? – поинтересовалась Анна. – Так это вранье, она сама тогда поскользнулась.

– И ногу сломала? – хмыкнул Мишка. – А она говорит, что ругалась на тебя до этого.

Даже в призрачном лунном свете было заметно, что Анна покраснела.

– Да она просто прикрикнула. Ерунда какая.

– А тетка Прасковья говорит, что накричала на тебя, а ты на нее зыркнула, и она на ровном месте упала.

– Не на ровном месте, а на горке это было, – холодно произнесла Анна. – И после дождя.

– Ну, в общем, я не знаю, – вздохнул Мишка, с тоской отмечая, что девушка не спешит в его объятия. – Ань, да я не слушаю, что эти дуры языками мелют. Ань...

Несколько минут девушка молча лежала на спине, глядя

на кроваво-красный диск ночного прожектора широко открытыми черными глазами, а потом тихо сказала:

– Видел, как у тетки Прасковьи цепной кобель на волка похож?

– Видел, – подтвердил Мишка.

Обрадовавшись смене темы, он подвинулся поближе к подруге, с удовольствием ощущая тепло ее тела.

– А знаешь, почему цепь такая толстая? Ее еще дед Игнат ковал, кузнец старый.

– Почему?

– Потому что кобель этот – оборотень настоящий.

– Опять ты за свое, – вздохнул Мишка.

– Правда. – Анна завела руки за голову, отчего тонкая ткань блузки натянулась, четко обозначив грудь. – Когда Прасковья еще в девках ходила, на нее мельник глаз положил, Емельян Григорьевич. Мужик видный, староват, правда, ему тогда, почитай, сорок было, но обходительный, а главное – зажиточный. Но родители Прасковьи против были.

– А почему против, если зажиточный?

– Слухи о мельнике плохие ходили, – помолчав, ответила Анна. – Люди говорили, что Емельян Григорьевич на своей мельнице с нечистой силой снюхался.

– Чертям хвосты крутит.

– Алексей Софроньич, отец Прасковьи, мельника и спровадил, когда тот свататься пришел. Дескать, дочь свою,

Прасковью, за тебя не отдам, нету моего родительского благословения и не будет. Мельник усмехнулся, зыркнул так не по-доброму и ответил, что я, мол, на вашей дочери все равно женюсь. Хотите вы этого или нет, а будет по-моему. И с этого дня начались у семьи Прасковьи беды.

Исподволь, незаметно Мишка снова начал попадать под власть чарующего голоса Анны.

– Недели не прошло, наступило полнолуние, погнал Алексей Софроньич лошадку свою в ночное, утром приходит, а она мертвая. Разорвана вся нещадно, и следы вокруг волчьи. Большие следы. Мужики сразу всполошились, собрались загнать зверя, да только зря проехали, никого не нашли. К мельнику заезжали, следы вроде в его сторону шли, а он только бороду оглаживал, усмехался да на Алексея Софроньича смотрел пристально. А как тому уезжать, подходит и ласково так спрашивает, мол, не надумали ли вы, уважаемый Алексей Софроньич, принять мое предложение? Тот, конечно, ни в какую, но мельника заподозрил.

И снова в животе у Мишки завозился противный холодный червячок.

– А на следующее полнолуние страшное случилось. – Хриловатый голос Анны проникал в самую душу парня. – Лизавета, сестра Прасковьи, с подругами купаться пошла, в Дальнюю заводь. Плескались они там, может, с парнями баловались, это уж я не знаю, только, как девки из воды выбрались, волк на них напал. – Мишка судорожно сглотнул. –

Девки в крик, разбежались, кто-то в воду нырнул, кто-то на дерево полез, а когда поутихло... – голос Анны чуть задрожал, выдавая ее волнение, – когда поутихло, смотрят: а Лизавета – мертвая. С горлом разорванным лежит.

– Ох! – выдал парень. Он, разумеется, слышал о какой-то страшной истории, произошедшей в станице много лет назад, но подробности узнавал впервые.

Девушка снова помолчала.

– Алексей Софроньич, как об этом узнал, за ружье схватился, хотел мельника убивать, мужики его насилу удержали. Лизавету вся станица хоронила, а Емельян Григорьевич, мельник, на это время уехал куда-то, не показывался. Потом вернулся, аккурат перед самым полнолунием следующим, и Прасковья решилась. Не стала ждать, когда он снова посватается, а ночью сама к мельнице пришла.

Холодный червячок в животе Мишки вырос до размеров половозрелого удава, но парень зачарованно слушал страшный рассказ подруги.

– Пришла она к мельнице, затаилась, а незадолго до полуночи смотрит, выходит Емельян Григорьевич из дому да напрямик в лес. Прасковья за ним. Тихо шла, неслышно, не прознал мельник, что подглядывают за ним. Вышли они на поляну, лунным светом залитую, а посреди поляны пень стоит старый, но крепкий. Мельник подходит к пню и достаёт огромный нож. А Прасковья из-за дерева смотрит, трясется от страха вся. Емельян Григорьевич скидывает

одежду, втыкает нож в пень да как прыгнет через него! Прасковья глядь, а вместо мельника с той стороны пня волк огромный появился!

– Врешь! – Мишка произнес это из бравады, на самом деле парень чувствовал себя не очень уверенно.

– Не хочешь, не верь, – отрезала Анна. – В ту ночь в соседней станице волк двух лошадей задрал. И конюха. Только это было его последнее злодейство.

– Тетка Прасковья, конечно, станичникам все рассказала?

– Нет, – медленно ответила девушка, – она поступила по-другому. Когда оборотень по своим делам подался, Прасковья еще долго не могла в себя прийти, дрожала, плакала, а потом прокралась к пню да нож-то мельницкий из него вытащила. И домой побежала.

– Нож-то ей зачем?

Черные глаза девушки чужим взглядом пробежали по лицу Мишки.

– Затем, что, когда она нож вытащила, Емельян Григорьевич потерял всякую возможность снова человеком обернуться.

Парень проворчал что-то неразборчивое.

– Когда мельник к пню вернулся, он сразу понял, кто его тайны лишил. Следы учуял и к Прасковьиному дому пришел, да только ждали его там. Прасковья всех своих предупредила, Лексей Софроныч, отец ее, кузнеца позвал, Игната, вме-

сте оборотня и заловили.

– Как же они его заловили? – недоверчиво прищурился Мишка. – Он же оборотень!

– Так и заловили, – со всей серьезностью ответила Анна. – Игнат слова знал нужные да и здоров был. Два дня оборотень в яме сидел да выл так, что вся станица от ужаса заходилась. А на третий день кузнец Игнат цепь сковал особую, и теперь Емельян Григорьевич сторожит Прасковьян дом. А мельницу люди сожгли.

– М-да, история. – Мишка провел рукой по роскошным черным волосам девушки. – Теперь понятно, почему тетка Прасковья на этих делах двинутая.

– И почему она меня не любит, – задумчиво добавила Анна.

– А ты-то здесь при чем?

Черные, чернее ночи, глаза девушки остановились на лице Мишки.

– Потому что мельник тот, Емельян Григорьевич, моему деду братом родным приходился. И тетка Прасковья нашу семью с тех пор не жалует.

– Да ерунда это все. – Мишка скептически посмотрел на полную луну и потянулся к алым губам девушки. – Ань, давай, а?

– Тебе бы все одно. – Девушка охотно ответила на поцелуй, но твердо остановила тянущуюся к шортам руку парня.

Константин

– Костик, обещаю – дело не просто выгорит, оно потрясет весь русский ювелирный бизнес! – Штанюк возбужденно облизнул губы. – Ты войдешь в историю!

– Мне истории как раз не нужны, – усмехнулся Куприянов, перебирая черные четки. – То, что ты предлагаешь сделать, потребует слишком больших усилий. Я не уверен, что смогу сейчас позволить себе это.

– Время есть. Два дня. Посчитай, прикинь. Но, говорю честно, такой возможности может больше не представится! – Григорий Штанюк, довольно известный и довольно успешный брокер, округлил глаза.

Операция, которую предлагал провести Григорий, была рискованной. Даже слишком рискованной. Но в случае успеха фирма Куприянова не просто становилась номером один на русском ювелирном рынке, а начинала превращаться в монополиста. Штанюк, кожей чувствующий большие комиссионные, названивал Константину все утро и, наконец, сумел вытащить его на деловой ленч, на котором и выложил план.

– Ты всех подомнешь!

– Или меня растерзают, – буркнул Куприянов, прищурившись на видневшийся из-за Москвы-реки Кремль.

– Ты же крепкий, Костя, – промычал Марик Марципанский, отрываясь от тарелки. В отличие от собеседников,

ограничившихся кофе и сладкими рогадиками, Марципанский, воспользовавшись случаем, сделал более чем плотный заказ – салат, холодные закуски, горячее – и теперь уплетал за обе щеки. – Когда это ты отказывался рисковать?

– Когда мне не давали время просчитать варианты, – пожал плечами Куприянов.

Штанюку Константин доверял. Не полностью, разумеется, но достаточно, чтобы работать на бирже только через него. А вот Марика Куприянов недолюбливал.

Марципанский был правнуком Соломона Марципанского, революционера и героя гражданской войны, и никогда не уставал рассказывать, особенно между четвертой и шестой рюмками, что его блистательный прадедушка был одним из немногих военачальников, получивших в лихие революционные годы целых два ордена! Один из них засиял на груди Соломона Моисеевича после подавления Кронштадтского восстания, а второй образовался за то, что Марципанский посоветовал Тухачевскому использовать против тамбовских крестьян боевые отравляющие вещества и сам обеспечил их наличие в победоносных карательных отрядах. Были в биографии героя и реальные боевые сражения, но о том, как их с Тухачевским разгромил Пилсудский, он вспоминать не любил. В тридцать седьмом году, когда зарвавшегося Соломона пристрелили подельники, Марципанские перебрались под Караганду, поближе к выдающимся коммунистическим стройкам, о которых так любил вещать с высоких трибун по-

койный Соломон Моисеевич. Тяжелый быт строителей светлого будущего не увлек семейство и, воспользовавшись первой же оказией, Марципанские вернулись в обжитую Москву, рассказывая на каждом углу о необычайном героизме расстрелянного предка. Рассказы помогли Марику устроиться в приличный институт, поддепутатствовать пару лет, а затем, когда трогательная история репрессированных перестала вызывать слезы жалости у избирателей, открыть маленькую брокерскую контору. Его деловая репутация не вызывала у Куприянова особого восторга.

– Но мы же даем тебе время, – дожевывая жаркое, удивился Марик.

Константин холодно посмотрел на его сальные губы:

– Два дня – это не время.

– Раньше тебе хватало и двух часов, – буркнул Штанюк.

– А кто разработал операцию? – неожиданно спросил Куприянов. – Ты?

Григорий вздохнул и кивнул на Марципанского:

– Он.

– А какая разница? – немного обиженно поинтересовался Марик.

Ответить Константин не успел.

– У вас прекрасный кофе! Передайте мою благодарность тому, кто его готовил.

– С удовольствием, мадам, – вежливо склонил голову официант.

«АННА».

Куприянова окутал аромат мускуса и он резко обернулся. Она сидела за соседним столиком.

«Как же я не заметил?!»

Блестящие черные волосы стянуты в тугой узел, оставляя открытым высокий чистый лоб.

«Какие длинные ресницы!»

– Я прекрасно провела у вас время.

– Благодарю, мадам.

Она грациозно поднялась, и на Куприянова накатила волна пронзительного желания. Гибкое тело Анны облегалo прозрачное черное платье, небрежно соединенное на талии.

И ничего больше!

Воздушная ткань практически не скрывала набухшие соски высокой груди, черные выпуклости на черном платье, официант не сводил с них глаз.

«Ей нравится, когда на нее смотрят!»

На правом полушарии дразнила взгляд черная вытатуированная ящерица. Анна покинула веранду и легкий теплый ветерок игриво потрепал длинный, почти до шпилек, подол платья. Мускус щекотал ноздри Константина.

«Уходит!»

– Я перезвоню, – быстро сказал Куприянов и, бросив салфетку, вскочил из-за стола. – Вечером.

– Костя!

– Вечером!

Она уходила к Большому Каменному мосту.

Штанюк и Марципанский проводили взглядами сухощавую фигуру Куприянова, бегущего по пустой набережной и удивленно переглянулись.

– Что это с ним?

– Переработался? – предположил Григорий.

– А кто будет платить за ленч? – выдохнул жадный Марик.

Увидев быстро приближающегося Куприянова, Володя включил двигатель и довольно потянулся.

«Наконец-то!»

Загруженная в телефон игра ему надоела, выбирать новую было лень и все время, пока шеф общался с партнерами, телохранитель отчаянно скучал.

«В офис или еще куда?» – лениво подумал Володя, ожидая, что дверца «Мерседеса» вот-вот откроется. Но этого не произошло. Удивленный телохранитель повернул голову: Куприянов прошел мимо своего автомобиля и быстро направлялся к Большому Каменному мосту.

«Решил прогуляться?»

Володя тихонько выругался, выбрался из «Мерседеса» и поспешил вслед за шефом.

Она стояла на мосту, изящно облокотилась на чугунные перила и задумчиво смотрела на воду, по которой медленно проплывал прогулочный «трамвайчик». Ветер продолжал играть с ее платьем, то и дело отбрасывая подол с длинных стройных ног.

Водители, проезжающие по мосту, приветствовали девушку веселыми гудками автомобильных клаксонов.

«Ей нравится, когда на нее смотрят!»

Константину оставалось пройти ярдов тридцать, когда незнакомка повернулась и направилась дальше, на ту сторону реки.

«Как быстро она идет!»

– Девушка! Анна! Подождите! Нам надо поговорить!

Ветер унес возглас в реку.

Шеф замахал руками и что-то крикнул, но на мосту никого не было, и Володя удивленно покачал головой.

«Что происходит? Переработался?»

Сначала телохранитель хотел догнать Куприянова, но, подумав, решил этого не делать. Кто знает, возможно, шефу

сообщили новость, которая выбила его из колеи. Вот он и психует, и на глаза ему лучше не попадаться.

«Может, он разорен? – Володя усмехнулся. – Куприянов? Скорее это случится с «Де Бирс».

«Тогда что могло произойти?»

«Его жена переспала с садовником?»

Володя вспомнил холеную Веру, весьма аппетитную, несмотря на свои тридцать шесть и наличие двух детей. Чтобы она изменила шефу? Большой глупости и представить себе невозможно. Володя неплохо разбирался в людях и видел, как Вера относится к мужу.

«Что же у него стряслось, черт возьми?»

Анна так ловко преодолела автомобильный поток, что Куприянов подумал, будто лихие московские водители сами остановились, уступая дорогу полуобнаженной красавице. Константин видел их липкие взгляды и улыбки, от скабрёзных до восхищенных. И гнев душил его. Пока Куприянов пытался перейти улицу, Анна оказалась на ступенях дворца. Он видел, как девушка с томной грацией расположилась на них, предоставляя солнечным лучам возможность приласкать бархатистую смуглую кожу. Он был далеко, но видел каждую черточку ее прекрасного лица, каждый изгиб ее упругого тела, нисколько не скрываемого прозрачной тка-

ную платя. Черную ящерицу, ползущую по правой груди.

«Она ждет меня!»

Куприянов бросился вперед, и только пронзительный визг автомобильного клаксона заставил его опомниться.

«Скорее проезжайте, мерзавцы! Дайте мне пройти! Она ждет!»

Анна прикрыла глаза и чуть выгнула спину. Полные губы прошептали что-то короткое, призывное.

«А я так далеко!»

Куприянов чувствовал, что готов взять ее прямо там, на ступенях дворца, на глазах у прохожих и туристов, водителей и полицейских.

Полицейских?

Высокий офицер не спеша подошел к сидящей на ступенях девушке, улыбнулся и что-то сказал, слегка взмахнув дубинкой. На его глаза падала тень от козырька фуражки, но Куприянов знал, что они похотливо ощупывают соблазнительное тело Анны.

«Не смей на нее пялиться!»

Девушка улыбнулась в ответ, кивнула и царственным жестом протянула полицейскому руку. Тот помог ей встать, что-то сказал...

«Какую-нибудь пошлость!»

... Анна рассмеялась в ответ, легко сбежала по лестнице и направилась по Моховой в сторону Манежа.

Не помня себя, Куприянов бросился через дорогу.

Это было уже совсем не смешно. Какое-то время шеф дергался, никак не решаясь перейти набитую машинами улицу, а потом неожиданно рванул через поток, не обращая внимания на дикие гудки, которыми наградили его безумство водители. Воспользовавшись замешательством, которое вызвала на Моховой выходка Куприянова, Володя тоже перебежал на другую сторону улицы, едва успев заметить, что шеф свернул к станции метро.

«Метро?!»

В вестибюле «Боровицкой» Константин едва не потерял Анну из виду. Она величественно двигалась сквозь толпу, оставляя позади разинутые рты и удивленные возгласы. Она была черной принцессой, с небрежным высокомерием принимающей их восторг.

«Ей нравится, когда на нее смотрят!»

Куприянов сунул обалдевшему контролеру крупную купюру – первую попавшуюся из бумажника, и побежал за уплывающей на эскалаторе Анной.

«Я не дам тебе исчезнуть!»

Скорее! Он продирался сквозь тесно сомкнутые плечи, стараясь не выпускать из виду стройную фигурку девушки в прозрачном платье. Она свернула направо. Куприянов выскочил на платформу и замер.

Анны не было!

Электричка только что ушла, людей на платформе мало и он просто не мог потерять девушку из виду.

«Где она?»

Константин подошел к краю платформы.

Анна стояла на рельсах в начале тоннеля. На границе электрического света станции и черного мрака подземелья. Она плавно подняла вверх руки и провела по гладко зачесанным волосам. Вся станция была пропитана волшебным ароматом мускуса. Прозрачное платье расстегнуто и прекрасное тело было полностью открыто взгляду Куприянова.

На границе света и мрака.

Константин видел мягкое перемещение упругой груди, когда Анна подняла руки, видел движения мышц на плоском животе, царственный поворот шеи, изгиб тонкой талии, стройные бедра.

«Как ты прекрасна!»

Анна взмахнула длинными ресницами, и ее черные глаза устремились на Куприянова. Их взгляды встретились.

Впервые.

На границе света и мрака.

Мгновение, длившееся вечность. Она повернулась и шаг-

нула в тоннель.

Куприянов спрыгнул на рельсы.

Володя отчетливо видел, что Куприянов сошел с эскалатора и повернул к правой платформе.

«А вдруг он сядет в электричку?»

Проклиная все на свете, Володя начал активно расталкивать людей, пытаясь поскорее добраться до шефа. Но не успел. Телохранитель оказался на платформе, когда там уже собралась толпа.

– Кто-нибудь, сообщите дежурному!

– Полицию позовите!

– Электричка скоро пойдет!

Володя прорвался к краю платформы. Головы окружающих были повернуты в сторону темного тоннеля.

– Что случилось?

– Мужчина на рельсы спрыгнул! – охотно сообщила крашенная тетка с объемистой сумкой в руках.

– Под поезд? – Володя задал вопрос и только потом сообщил, что рельсы пусты.

– Под какой еще поезд? – Тетка недружелюбно покосилась на широкие плечи телохранителя. – Спрыгнул с платформы и пошел в тоннель!

– Дежурного позовите!

Володя скрипнул зубами.

– Как он выглядел?

– Мужчина?

– Да! Какой из себя?

Тетка задумалась.

– Высокий, костлявый такой.

– С длинным носом?

– Не видела.

– В белой рубашке и галстук? В серых брюках?

– Да вроде.

– Темноволосый?

– Да.

– Проклятие!

– Знакомый ваш?

Что делать? Володя нерешительно посмотрел в тоннель.

Неужели Куприянов пошел в тоннель? Прыгать за ним?

Звать дежурного?

И, словно в ответ на его мысли, из мрака тоннеля донесся пронзительный гудок приближающегося поезда.

– Господи! – Тетка перекрестилась.

– Где? Какой человек? – К платформе, в сопровождении полицейского, спешила встревоженная дежурная. – Кто его видел?

Из тоннеля вылетела электричка.

«Конец».

Володя попробовал разглядеть на поезде следы крови,

вмятины, но вагоны слишком быстро пролетели мимо него.

– Вы говорите, он спустился на рельсы? – допытывалась дежурная.

– О нем другой мужчина спрашивал. Знакомый, наверное.

– Какой мужчина?

Телохранитель выбрался из толпы.

«Сообщить Вере Сергеевне? Или вернуться и организовать поиск в тоннеле?»

В такую ситуацию он попал впервые. Отправление электрички задерживалось. Мимо Володи прошли еще двое полицейских и врач.

«Что же делать?»

Телохранитель сделал еще два шага и ошарашенно остановился: Куприянов, живой, носатый, в белой рубашке и серых брюках, стоял посреди станции, недоуменно оглядываясь по сторонам.

Вера

– Хозяева дома, Ольга Петровна? – Полицейский удобно облокотился на крыло сине-белого внедорожника и, сняв фуражку, протер потную шею платком.

Коренастый и плечистый Степан Иванович, сам выходец из этих мест, служил в районной полиции всю жизнь, поступив на службу сразу же, как пришел из армии. В последнее время он, получив должность заместителя начальника управления, больше занимался бумажной работой, но все в округе знали, что именно он во время ночной погони догнал и арестовал воришек, обчистивших богатый дом Загорских, находившийся на той стороне озера. Ольга Петровна ему доверяла.

– Хозяйка дома, – ответила экономка. – Константин Федорович так рано не возвращается.

– Жарко. – Полицейский аккуратно свернул платок и положил его в карман. – К ним в последнее время гости не приезжали?

– Вроде нет, – покачала головой Ольга Петровна. – Только на выходных к хозяйке подруга заскакивала на пару часов. А в чем дело, Иваныч?

– Вот этого мужчину не видели? – Полицейский протянул экономке фотографию.

– Нет. – Ольга Петровна внимательно посмотрела на сни-

мок. – А что с ним?

– Утонул, – коротко ответил Степан Иванович. – Вчера днем из озера выловили. Судя по всему, городской. Но ни одежды, ни документов, ничего. Вот и опрашиваем.

– Страсть какая. – Экономка вернула фотографию. – Не видела я его.

– А хозяева на озеро ездят?

– Хозяин – иногда. А Вера Сергеевна – нет. Она в бассейне купается.

– Красиво. – Полицейский снова достал платок. – Значит, хозяин на озеро ездит? Когда он в последний раз там был?

– Точно не скажу. – Экономка нахмурилась. – Вроде дня два назад ездил. Лучше у него самого спросить.

– Спросим, может, видел чего. – Полицейский убрал фотографию и покосился на подъехавший к дому фургончик курьерской службы.

– Это дом Куприяновых? – Из машины выбрался долговязый мужик в фирменном комбинезоне.

– Да, – подтвердила Ольга Петровна.

– Посылка для Веры Сергеевны Куприяновой. Распишитесь.

Экономка поставила подпись, взяла пакет и посмотрела на полицейского:

– Я могу идти, Иваныч? Посылка срочная.

На конверте красовалась бросающаяся в глаза надпись: «Вера, это срочно! Очень важно! Немедленно просмотрите

запись!»

Ольга Петровна разыскала хозяйку в оранжерее: Вера никому не позволяла заниматься своими любимыми пальмами и уделяла им минимум час в день. Получив посылку и прочитав странную надпись, заинтригованная Вера немедленно поднялась в кабинет и вскрыла конверт, в котором оказалась простенькая «флешка». Самая обыкновенная. И ничего больше в пакете не нашлось: ни письма, ни записки – ничего, и только фраза на конверте показывала, что «флешка» попала в нужные руки.

«Вера, это срочно! Очень важно! Немедленно просмотрите запись!»

Почерк резкий, твердый. Ярко-красный маркер.

«Что там может быть?»

Дурные предчувствия, почти рассеянные любимой возней с пальмами, снова окутали ее.

«Может, дождаться Костика?»

Но «флешка» предназначена ей, а требовательная надпись на конверте гласила, что посылка должна быть доставлена именно в шесть вечера, когда мужа нет дома. Значит, неизвестный отправитель хотел, чтобы Вера просмотрела запись одна. Без Кости.

Вера покачала головой и включила компьютер.

Запись была плохая, чуть расплывчатая, а звук сопровождался странными помехами.

«Скрытая камера», – поняла Вера. Причем установленная в неплохо обставленной комнате, главной достопримечательностью которой была широкая кровать.

– Я жду!

Крикнув это, белокурая девушка, стоящая спиной к камере, поставила на кровать ножку и провела рукой по бедру. На ней было белое кружевное белье: узкие трусики, оставляющие открытыми красивые ягодицы и тонкая полоска бюстгальтера.

Сердце Веры застучало.

Девушка легла на кровать, томно потянулась и перевернулась на спину, подложив под голову маленькую подушку.

– Ты не утонул? – Вера поняла, что странные помехи были звуками льющейся воды. – Я просто сгораю от нетерпения!

Если это и было так, то девушка никак этого не проявляла, задумчиво глядя в потолок.

Теперь Вера узнала ее – Леночка Прыткова, секретарша Кости. Она видела ее пару раз, когда приезжала в офис. Она даже пошутила, что Костик перестал ценить деловые качества подчиненных, отдавая предпочтение длинным ногам и голубым глазкам, на что муж неожиданно серьезно ответил, что девушка превосходно справляется со своими обязанностями. Начальник отдела кадров, которому Вера невзначай задала тот же вопрос, подтвердил слова Куприянова и Вера

выбросила новую секретаршу из головы.

«Зря?»

Шум воды стих, девушка поднялась на колени, демонстрируя гибкое, молодое тело и небольшую грудь, едва прикрытую маленьким прозрачным бюстгалтером. Сердце Веры бешено заколотилось.

«Господи, сделай так, чтобы мои подозрения не оправдались!»

В дверях комнаты стоял Костик.

«Нет!»

Он сбросил с бедер полотенце.

– Какой ты нетерпеливый! – Противный высокий голос.

«Проклятая стерва!»

Куприянов приблизился к Леночке и медленно провел по ее телу тыльной стороной ладони. Девушка послушно изогнулась, демонстрируя пылающую в ней страсть. Рука остановилась на ее груди...

«Хватит! Хватит!! – Вера остановила запись. – Будь оно все проклято! Это неправда! Неправда!!»

Она достала из бара сигареты и, закурив, подошла к окну. Слезы застилали глаза.

Никогда за много-много лет Вера не допускала даже мысли о том, что Костя может быть ей неверен. За много-много

лет. Это было настолько дико и нелепо, что даже сейчас Вера всеми силами старалась гнать эту мысль прочь.

Прочь.

Костик, ее Костя, ее Кот просто не может так поступить с ней.

Не может, и все.

Всю жизнь Костя был рядом, «...и в радости, и в горе». Вера пряталась за его спину, опиралась на его плечи и платила за все любовью и заботой. Никто, даже самая язвительная и злая сплетница не могла бы упрекнуть Веру в том, что она плохая жена.

Она была младше мужа на два года. Их семьи крепко дружили, и когда маленькую Веру Томилину привезли из роддома, первыми словами, которые произнес Федор Куприянов, отец Костики, поздравляя своего друга, были: «Вот и невеста для моего пацана». Это было шуткой только наполовину. Слишком крепка была связь между Куприяновыми и Томилиными. Известные в чванливом московском полусвете – Куприянов-старший занимал высокий пост в МИДе, а Верин отец был директором крупного завода – семьи тянулись друг к другу. Совместно отмечали праздники, отдыхали, помогали словом и делом.

Вера и Костя росли вместе: гуляли в одном парке, ходили в одну школу, ездили в один санаторий, жили на соседних дачах, и только потом, спустя много лет, Вера поняла, как много дал ей Костя. Он был и нянькой, и старшим братом,

и учителем, и первым ее мужчиной. Первым и единственным. Вера прекрасно, до самого последнего момента, помнила, как это произошло. У них на даче, теплейшим майским вечером, когда в распахнутое окно проникал чарующий запах сирени. Ему было восемнадцать, ей – шестнадцать. Он был нежен, необычайно нежен для юноши и Вера, в отличие от многих девушек, получила подлинное наслаждение от своего первого опыта.

После окончания школы их пути разошлись: Костя поступил в МГИМО, Вера – в МГУ. Но разными были только институты: все свободное время они по-прежнему проводили вместе. Ходили на премьеры, готовились к сессиям, ездили к морю. Они сыграли свадьбу, когда Вера была на третьем курсе. Большую, шумную свадьбу с многочисленными гостями и длинным застольем. А потом был целый месяц в Париже, а потом счастливая жизнь вместе. По-настоящему вместе. Сначала в отдельной квартире, с которой помогли родители, затем в загородном доме Куприяновых, а теперь в шикарном особняке, который Костя строил, учитывая все пожелания своей Звездочки. И все эти годы у Веры не было человека ближе и роднее, чем Кот. А для него – она знала – не было никого ближе и роднее, чем она.

Нет, этой проклятой записи есть другое объяснение. Ее Кот не такой.

Он любит.

Вера раздавила в пепельнице сигарету, смахнула с глаз

остатки слез и с холодной ненавистью посмотрела на видеокассету.

«Фальшивка или правда? Если фальшивка, то зачем? Ударить по Косте?»

Вера помнила времена становления фирмы «Куприянов» и те методы конкурентной борьбы, которые использовали против Кота некоторые бизнесмены. Тогда было много чего: и угрозы, и грязный шум в газетах, и атаки на деловых партнеров. Тогда они сумели прорваться. А как сейчас? Что это такое? Новая атака или это... Или...

Она вспомнила утренний телефонный звонок. Она занималась с Наденькой, Ольга Петровна уехала в магазин, и ответить никто не успел. Лишь к обеду Вера проверила автоответчик и услышала высокий мужской голос:

«Вера, пожалуйста, свяжитесь со мной, это крайне важно для вас. Меня зовут Ивов. Аркадий Ивов».

Голос и имя показались ей знакомыми, но тогда, утром, она решила, что это глупая шутка, и стерла запись. Теперь пришло время пожалеть о подобной неосмотрительности.

«Фальшивка или правда?»

Ответ на этот вопрос мог дать только Костя.

Вера закурила еще одну сигарету, вызвала Ольгу Петровну и попросила сделать кофе.

Будем ждать Кота.

Константин

Сегодня Куприянов приехал домой раньше обычного. Странная история, приключившаяся днем, выбила его из колеи, и Константин никак не мог сосредоточиться на работе, постоянно вспоминая неуловимую черноволосую красавицу.

«АННА».

Ее роскошную фигуру, пышные черные волосы и пронзительные черные глаза. Жаркие глаза. Манящие. Та первая встреча на озере уже успела сгладиться в памяти Константина, оставив после себя только ощущение чего-то таинственного, сладкого и запретного. Сегодняшнее приключение оживило воспоминания.

«АННА».

Тогда, после первой встречи, его охватило судорожное, жесткое желание, которое ему удалось погасить с помощью Леночки. Теперь он тоже желал, желал страстно и горячо, но знал, что на этот раз белокурая красавица не сможет его удовлетворить. Куприянов желал вполне определенную женщину. Черную принцессу, пахнущую мускусом.

«АННА».

Володе он объяснил, что увидел старого знакомого, попытался догнать, но не преуспел. Телохранитель сделал вид, что поверил, но, вопреки обыкновению, молчал всю дорогу, изредка поглядывая на шефа.

«Я же точно помню, что спрыгивал на рельсы! Как я оказался на платформе? Может, я переработался? Видения начались?»

Но черные четки, которые были единственным напоминанием о прекрасной незнакомке, говорили об обратном. Куприянов не выпускал их из рук.

В холле Константина встретила Ольга Петровна:

– Вера Сергеевна ждет вас в кабинете, Константин Федорович. Она очень просила сразу же подняться к ней.

– Спасибо.

Куприянов направился на второй этаж.

«Ах да, четки! Вере они не понравились».

С легким раздражением он положил четки в карман и открыл дверь кабинета.

Вера слышала, как приехал муж, как он поговорил с экономкой и начал подниматься по лестнице. Она скомкала в пепельнице недокуренную сигарету, поднялась из кресла и нервно одернула юбку. «Флешка» вставлена в компьютер. Сейчас все решится. Сердце стучало.

Сейчас.

Куприянов вошел в кабинет.

– Добрый вечер, Звездочка.

– Здравствуй, Кот.

Он удивленно принюхался:

– Ты куришь?

Вера покраснела, как пойманная школьница. Последний

раз она баловалась сигаретами еще в институте, а после рождения Кости-младшего окончательно отказалась от этой привычки.

– Чуть-чуть.

– Что-то случилось?

Константин нежно обнял жену и поцеловал в шею.

– У меня, – она высвободилась из его объятий, – у меня не очень хорошее настроение, Кот. – Он молчал, ожидая продолжения. – Я получила очень странную записку. С тобой в главной роли.

– Не понял.

– Понимаешь, я, может быть, что-то делаю не так. – Вера достала из пачки новую сигарету и чиркнула зажигалкой. – Я думала, что у нас... что мы... – К горлу подкатил комок. – Я верила тебе, Кот!

– Да что случилось? – Сбитый с толку Куприянов растерянно смотрел на жену. – Ты можешь объяснить внятно? Какая кассета? Что произошло?

– Ты спишь со своей секретаршей! С этой Леночкой!

Эта фраза вырвалась. Просто выплеснулась наружу вопреки ее воле. Вера не собиралась так себя вести, так говорить, но вся обида, которая накопилась в ней за время просмотра кассеты и томительного ожидания мужа, вырвалась на волю грубым криком.

«Леночка? Откуда она знает?»

– С чего ты взяла? – Константин холодно посмотрел на

жену. – Что за бред?

– Бред? – Вера зло усмехнулась. – О твоих похождениях уже снимают порнофильмы! Горячие кошки Куприянова! Сколько их было у тебя?

Его спокойствие добавило женщине ярости.

– Запись на «флешке»? – осведомился Константин. – Можно посмотреть?

– Почему же нет? Посмотрим вместе! Заведемся!

– Заткнись!

Резкий окрик заставил Веру вздрогнуть. Куприянов щелкнул на выбранный файл. Вера стряхнула пепел на ковер, ее плечи дрожали.

– Ну, за искусство! – провозгласил с экрана бравый генерал, и собравшиеся за столом мужики дружно опрокинули стаканы.

На видеокассете был записан старый хит «Особенности национальной рыбалки».

– Я загримирован? – помолчав, спросил Куприянов.

Вера переставила запись на несколько минут вперед. Потом назад. Но везде было одно и то же: «Особенности национальной рыбалки». Она посмотрела на «флешку»: та же самая, нет никаких сомнений, что ее не подменили. Название файла прежнее, но под этим названием кино, а не куприяновская оргия. В полной прострации Вера посмотрела на мужа.

– Но я видела... Ты и она... вы занимались сексом...

– Откуда у тебя запись?

– «Флешку» привезли, сегодня, курьер...

– Ты пила?

– Что?

– Ты пила?

– Нет! – На ее глазах появились слезы.

– Я не знаю, что здесь произошло, – медленно произнес

Константин, – но мне это не понравилось. Как ты вообще могла об этом подумать?

– Костя, я...

Выходя из кабинета, Куприянов громко хлопнул дверью.

Вера рухнула в кресло и разрыдалась.

Леночка

– Ой, Ленка, ты такая молодчина! Аж зависть берет! – Таня, полненькая брюнетка с простоватым лицом, откусила мороженое. – Это же надо! Все-все-все у тебя получается!

В завистливое «все-все-все» Танечка включила и холеный внешний вид, и шикарный наряд подруги, и настоящие драгоценности, и новенький «БМВ», ожидающий хозяйку у ресторана и ее молчаливое согласие оплатить их посиделки.

– И всегда у тебя все получалось.

– Ну, не все, – усмехнулась Леночка, – но многое. Я работаю над этим.

Она действительно была довольна собой. Встреча со старой институтской приятельницей отчетливо высветила преимущества ее нынешнего положения. Общаясь с Куприяновым, сотрудниками его фирмы и деловыми партнерами, Леночка жила в другом, совершенно другом мире, и сейчас, разглядывая Таню, она видела, какая пропасть отделяет ее от подруги.

И радовалась, что эта пропасть существует.

Таня приехала на метро, одетая в потертые джинсы и простую кофточку. И плохо покрашенная. На ее фоне Леночка выглядела настоящей аристократкой и мужские взгляды с соседних столиков подтверждали этот факт.

Леночка вытащила из пачки новую сигарету, небрежно

щелкнула золотой зажигалкой и мельком оглядела небольшой зал рестораника. За соседним столиком читал газету одинокий лысый мужчина лет шестидесяти, в дорогом костюме и странных черных очках, плотно прилегающих к лицу.

«Слепой он, что ли? Да нет, он же с газетой!»

Леночка усмехнулась и уже хотела вернуться к разговору с подругой, как старик поднял голову и посмотрел на нее.

Девушка вздрогнула. Несмотря на то что глаза незнакомца были скрыты черными очками, его тяжелый, внимательный взгляд пронзил ей душу.

«Брр, какой же он без очков?»

– Так ты придешь?

Леночка непонимающе посмотрела на Таню:

– Что? Ой, извини, я отвлеклась. Что ты спросила?

– Я говорю, что у Светки свадьба через месяц, и она просила меня передать тебе, что хочет с тобой увидеться. Пригласить, наверное.

– Свадьба? Конечно, приду.

– Сама еще не собираешься?

– Я? – Леночка снова почувствовала на себе леденящий взгляд старика в черных очках и передернула плечами. – Может, и собираюсь...

В общем-то она не планировала делиться своими замыслами с Таней, но взгляд старика гипнотизировал девушку, сбивал с толку, и она с трудом поддерживала разговор.

– Правда? – ухватилась за новость Таня. – А за кого? Что за принц появился на горизонте?

– Принц уже давно на горизонте, – рассеянно ответила Леночка, – только он еще об этом не знает.

– Ух ты! Хочешь мужика увести у кого-то?

– А почему бы и нет? – Леночка скосила глаза и увидела, что старик снова уставился в газету. Ей стало легче. – Что тут такого? Мужа надо выбирать с умом. Чтобы и нормальный был, и богатый.

– Такие все разобраны, – вздохнула Таня.

– Правильно, – снисходительно согласилась Леночка, – таких мало, поэтому недостаточно найти, надо еще правильно его обработать.

– Ты всегда была умной.

С этим заявлением Леночка спорить не стала.

– А ты случайно не на своего шефа намекаешь? – осведомилась Таня. – Ты вроде говорила, что он у тебя и богатый, и нормальный...

– На кого намекаю, на того и намекаю. – Леночка сделала маленький глоток кофе и чуть не поперхнулась. Она буквально физически почувствовала, как ее пронзил взгляд старика.

«Что же он так смотрит?»

Девушка резко обернулась. Незнакомец в странных очках спокойно листал газету, но его глаза, девушка была уверена в этом, были направлены на нее.

«Почему он так смотрит?»

Неприятный сосед испортил весь вечер. Леночка посмотрела на часы:

– Ладно, Танюшка, давай разбежаться.

– А я думала, мы еще посидим, – удивленно протянула Таня. – Столько времени не виделись! Слышала, что у Марины с ее англичанином вышло?

Леночке, конечно, было очень интересно узнать, что произошло с их подружкой, вышедшей сдуру замуж за какого-то иностранца, но она уже приняла решение:

– Нет, Танюшка, извини. Сегодня никак не могу.

Она расплатилась по счету, поднялась и снова покосилась на соседний столик. Старик продолжал читать газету.

Леночка припарковалась во дворе, кивнула соседу дяде Мише, забивающему «козла» в компании других старичков и направилась к подъезду.

Цок, цок. Шпильки элегантно стучали по асфальту.

«Ну и чего ты испугалась? Старик какой-то на тебя пялился! А что ему еще остается делать в таком возрасте? Да на тебя все мужики смотрят!»

Всю дорогу из головы девушки не выходил мужчина в плотных черных очках. Его суровое лицо. Тяжелый взгляд, пробивающийся даже сквозь непроницаемую черноту сте-

кол. Взгляд, в котором сквозил страшный, неподдельный холод.

«Ерунда! – Леночка глубоко вздохнула. – Глупые мысли».

Она прошла вдоль густой сирени, повернула к подъезду и резко остановилась: у дверей, преграждая ей путь, стоял высокий старик в странных черных очках.

Сердце девушки глухо стукнуло, ноги стали ватными, и внутри образовалась неприятная холодная пустота.

«Как он здесь оказался?»

– Добрый вечер, Елена Викторовна, – мягко произнес незнакомец.

– Доб... добр... – Леночка сглотнула. Все в порядке, вокруг, несмотря на довольно поздний час, полно людей. Москвичи наслаждаются теплым летним вечером и во дворе царит гомон. Ей ничего не угрожает. Голос девушки окреп: – Что вам надо?

– Хорошо, что вы меня узнали. – Губы старика разошлись в безжизненной улыбке. По-настоящему безжизненной: лицо казалось резиновой маской и гримаса придала ему омерзительное выражение. Лучше бы он не улыбался. – Я надеялся привлечь ваше внимание.

– Для чего?

– Чтобы вы поняли всю серьезность моего предложения.

Холод проглотил все внутренности девушки.

– Какого предложения?

Старик сделал маленький шаг вперед и Леночка маши-

нально отступила.

– Вам следует уволиться из фирмы Куприянова, Елена Викторовна, – с прежней мягкостью произнес старик. – Завтра вы отправите с курьером заявление об уходе по собственному желанию и не выйдете на работу.

Леночка ожидала услышать все, что угодно, но только не подобное заявление.

– Это шутка? Кто вас прислал?

– Вы должны сделать так, как я сказал, – почти ласково продолжил незнакомец. – А самое главное – вам придется распрощаться с теми планами, которыми вы делились с вашей подругой в кафе. Забудьте о Куприянове. – Старик снова улыбнулся, заставив девушку задрожать. – Я не даю вам времени на размышление, Елена Викторовна, пожалуйста, сделайте так, как я сказал.

Он резко шагнул вперед и Леночка, пропуская незнакомца, в панике отступила к кустам.

Зорич

Бердянск, двадцать лет назад

Что делать, когда ты один?

Не безумец, добровольно отвергнувший общество и получающий удовольствие от отшельничества, но несчастный, силой вырванный из привычной жизни неумолимыми обстоятельствами. Потерявший все, что любил, все, о чем мечтал и на что надеялся. Все, ради чего жил.

Он принял условия, не имея другого выбора. Принял, не задумываясь, лишь бы вырваться из той бездны, в которую швырнула его судьба. Чуть позже, когда он получил возможность подумать, ему еще казалось, что впереди его ожидает новая жизнь, тысячи дорог и главной проблемой будет не ошибиться в выборе. Действительность поставила его на место. Почти все двери, в которые он планировал стучаться, оказались закрыты, почти все дороги вели в тупик. В небытие. В беспросветную тягомотину, сопровождаемую постоянным ожиданием провала. Он не хотел, не умел и не собирался учиться покорно тянуть лямку, он жаждал шагать с гордо поднятой головой, а как раз это ему запретили. По крайней мере, на тех дорогах, на которые он рассчитывал.

И это сводило с ума.

«Герой на обочине. Кому теперь нужно то, что я умею?»

Зорич грустно усмехнулся, посмотрел на свои сильные руки и лениво завел их за голову, подставляя широкую грудь жаркому южному солнцу. Вокруг бурлил центральный пляж. Соседи справа вскрыли роскошный арбуз, слева щебетали в песке чумазые детишки, косматый парень неподалеку охмурял двух загорелых девиц глупыми песнями под расстроенную гитару и никто не обращал внимания на могучего лысого мужчину лет сорока в странных черных очках, плотно прилегающих к лицу. Кого на южном пляже удивить солнцезащитными очками?

«Кому нужно то, что я умею?»

Это становилось серьезной проблемой. На последние деньги Зорич купил билет в захолустный Бердянск, снял комнату на окраине и теперь проживал остаток средств, бездумно глядя на теплое Азовское море. Может быть, при строгой экономии он сможет протянуть месяц. Или даже полтора. Но что делать дальше? Рано или поздно деньги все равно закончатся. Надо искать решение.

Запах арбуза напомнил, что пора подкрепиться. Зорич поднялся, натянул штаны прямо на мокрые плавки, взял в руку рубашку с полотенцем и побрел по пляжу.

«Что делать дальше?»

Зорич понимал, что в его положении, а главное, с его навыками и умениями он может легко шагнуть в криминал. Он уже думал об этом, но всякий раз отказывался от этой

мысли. Фундаментальное воспитание и вся прошлая жизнь были активно против превращения в бандита. Пусть даже и незаурядного. Это была та грязь, в которую Зорич мог наступить только в самом крайнем случае.

– Валя, выходи из воды!

– Клара, Клара, а где Мишенька?

– Ребята, айда в волейбол!

Звуки пляжа с трудом доходили до погруженного в свои мысли Зорича.

– Да не муж он ей!

– Вот я и говорю...

– Седьмого от борта в лузу!

Зорич остановился и посмотрел на желтый павильончик пляжной бильярдной. На его странных черных очках мелькнули солнечные блики.

III

В прокуренном и темном, после залитого солнцем пляжа, помещении бильярдной толпились одни мужчины. Молодняк, шумно обсуждающий каждый удар, старики, жадно следящие за шарами, зрелые мужики, оставившие на песке жен и детей. Некоторые были в майках, некоторые – в легких брюках, но большинство было одето только в плавки, сжимая пачки сигарет и бумажники в потных руках. В пляжной бильярдной играли на деньги. В том числе и на

довольно большие. Зорич заметил, как солидный мужчина, с золотой печаткой на безымянном пальце, не моргнув глазом, выложил на зеленое сукно крупную купюру. Таких сумм, правда, он больше не видел, но банкноты меньшего достоинства сновали из рук в руки с завидным постоянством. В основном в одни и те же руки. Вычислить игроков для наблюдательного человека не составило особого труда. Один, Зорич назвал его про себя Моряком, был одет в тельняшку и шорты, блестел золотыми фиксами и специализировался по мелким клиентам. Второй, Цыган, с серьгой в ухе и слюнявым ртом, оказался настоящим шоуменом, виртуозно разводя шары и привлекая внимание лохов. Третий, в классификации Зорича – Барон, работал с серьезными клиентами. Он единственный в бильярдной носил белую рубашку, брюки и даже ботинки. Он был аккуратно причесан и строг. Именно ему толстяк с печаткой выплатил крупный проигрыш.

И теперь снова.

– Пожалуйста платить.

– Вы просто маэстро, – мужчина в модных узких плавках и с золотыми часами на руке покорно открыл бумажник. – Сколько же вы играете?

– Всю жизнь. – Барон небрежно убрал купюры в задний карман брюк и обжегал павильон строгими цепкими глазами. – Эй ты, очкарик, играешь или так, присмотреться зашел?

Зорич удивленно взглянул на игрока:

– Это вы мне?

– А ты здесь один очкарик, – на строгом лице Барона мелькнуло подобие улыбки. – Хиповый парень.

– Глаза у меня болят, – буркнул Зорич. – Это медицинские очки.

– Играть-то будешь, болезный?

– Да у него небось жена все деньги заграбастала, – рассмеялся подошедший Цыган. – Он здесь давно стоит и даже бутылки пива не выпил.

– Жена или теща? – с иронией осведомился Барон.

Зорич взял в руки кий.

– Почему играем?

Барон, явно рисуясь, назвал сумму – почти все, что осталось в бумажнике Зорича. В случае проигрыша придется просить милостыню. Или идти грабить банк.

Тем не менее, он решительно потянулся за мелом.

– Расставляй.

– А деньги у тебя есть? – Барон перешел на деловой тон.

– Не волнуйся. – Зорич скривил губы. – Главное, чтобы у тебя они были.

///

Он выиграл три партии с удвоением ставок – так хотел жаждающий отыграться Барон. Он действительно был классным игроком, но Зорич держал в руках кий с двенадцати

ти лет, и учили его настоящие мастера. Благодаря чему он почти утроил свое состояние.

К его безмерному удивлению, ему позволили спокойно уйти, видимо, не желая распугивать толпящихся в бильярдной и активно поддерживавших Зорича лохов. Барон спокойно отдал выигрши, и в его глазах Зорич заметил тень уважения.

III

– Один прокол в день – это немного. – Барон подошел к вездорожнику, но дверцу открывать не стал, а устало потер глаза.

– Зря мы его отпустили, – пробурчал Цыган. – Малек со своими ребятами его уже брать хотел, а ты отпустил.

– Не надо жадничать, – улыбнулся Барон. – Когда лохи увидели, что меня можно обыграть, они совсем окосели. Улов считал?

– Нет.

– Вот то-то. – Барон кивнул на набитую купюрами барсетку. – Сегодня был лучший день сезона.

– Класс! – В вечернем полумраке блеснули белые зубы Цыгана. – Слушай, а этот очкарик и вправду хорошо играл или ты ему поддался?

– Правда. – Игроки обернулись. В тени акации стоял давешний широкоплечий мужчина в странных черных очках. –

Я хорошо играю.

– Согласен, – помолчав, кивнул Барон. – Зачем пришел?

– Деньги принес, – хмыкнул Цыган.

– Помолчи, – оборвал напарника Барон и снова повернулся к Зоричу: – Чего тебе надо?

– Хочу заработать.

– Поиздержался на отдыхе?

– Мне нужны деньги.

– И сколько хочешь? – прищурился Барон.

– Чем больше, тем лучше.

– Ты жадный?

– Нет. – Высокий очкарик развел в стороны могучие руки. – Просто я больше ничего не умею.

– Понятно. – Барон открыл багажник, достал из сумки-холодильника бутылку пива и предложил Зоричу. – Думаешь, все так просто?

– Не думаю. Потому и пришел к тебе сейчас, а не завтра в бильярдную. Я наглеть не хочу. Я хочу играть.

– Тут, брат, все схвачено.

– Это я вижу. Но лохов на всех хватит.

– Нас и так трое, – покачал головой Барон. – А точка маленькая. Мы всех лохов успеваем окутить.

– Хочешь сказать, не судьба?

– Во-во, проваливай, – буркнул Цыган.

– Я же сказал: помолчи! – Барон задумчиво хлебнул пива.

Высокий ему понравился. Спокойный, могучего сложения

и игрок класный. Судя по всему, мужик основательный, крепкий, что же у него не заладилось?

– На косе есть две бильярдные, – прищурился Барон. – Публика хорошая, денежная, сплошь дома отдыха вокруг, из столиц лохи на нерест несутся.

– Кто же меня туда пустит?

– Погоди. Там полный комплект наших был, но вчера как раз одного с аппендицитом увезли. Оправляться ему не меньше недели. Успеешь за это время себя зарекомендовать – считай, что тебе повезло.

– Я постараюсь, – кивнул Зорич.

– Постарайся. – Барон отбросил пустую бутылку в сторону. – Сейчас поедем, я тебя серьезным людям представлю. Поговоришь. Рекомендацию дам.

– Но...

– А за это ты мне будешь должен десять процентов всего, что заработаешь. Согласен?

Зорич протянул руку:

– Согласен.

Константин

Обычный рабочий день Куприянова начинался в половине девятого утра, а заканчивался в восемь – половине девятого вечера. На это время Константин отключался от всех посторонних дел, полностью отдавая себя бизнесу. За одним исключением: три раза в неделю Куприянов обязательно посещал расположенный недалеко от офиса тренажерный зал. Посещал не от безысходности: в загородном особняке был оборудован великолепный, ничем не уступающий спортивный зал, но Куприянов считал, что двух занятий в неделю, по субботам и воскресеньям, в его возрасте уже недостаточно, это во-первых, а во-вторых, его бодрил вид других людей, пыхтящих под тяжестью нагрузок. Постоянное сравнение с ними мобилизовало и не позволяло расслабляться.

– Чувствую, на этих выходных вы пропустили одно занятие, – улыбнулся Гера, плечистый инструктор, глядя на то, с каким трудом берет Куприянов свой обычный вес.

Гера был мастером спорта по тяжелой атлетике и его фигура наглядно показывала, к чему надо стремиться таким, как Константин. И чего они никогда не достигнут.

– Осторожно! – Инструктор подстраховал Куприянова, когда левая рука предательски дрогнула, и помог опустить штангу на пол. – Сбавим вес?

– Нет, – Константин потер плечо, – думаю, со штангой на

сегодня достаточно. Поработаю на тренажерах.

– Как скажете. – Гера посмотрел на часы. – Вы не будете против, если я ненадолго отлучусь? Я обещал позвонить...

– Конечно, – махнул рукой Куприянов, – на тренажерах мне страховка не нужна.

Инструктор вышел из зала. Константин сделал маленький глоток воды и огляделся: он остался один.

«Черт, никого. Ради чего, спрашивается, я сюда приезжаю? Может, заставить посещать зал кого-нибудь из фирмы? Для компании? Например, Васильева, главного юриста? А то у него больно пузо здоровое. – Куприянов усмехнулся, представив, как неповоротливый Васильев обмякнет возле штанги и взялся за тренажер. – Немного уменьшу вес, но увеличу число повторов. – Его руки ритмично задвигались, нагружая крепкие мышцы. – Двадцать вместо пятнадцати будет достаточно».

– Проклятая железяка!

Грудной, чуть хриплый женский голос заставил Константина подпрыгнуть. В ноздри ударил легкий аромат мускуса. «АННА».

Она растерянно стояла возле одного из тренажеров. Подняла глаза, длиннющие черные ресницы взлетели вверх и черные звезды пронзили сердце Куприянова.

– Вы не могли бы мне помочь?

– Да... – голос предательски захрипел, Константин откашлялся. – С удовольствием помогу.

– Я не в силах понять, как работает эта штука.

Он подошел.

Девушка была одета только в синюю майку, едва заходящую на стройные бедра, голубые спортивные трусы и кроссовки. Ее пышные черные волосы были снова зачесаны назад, но на этот раз позади оставался роскошный кудрявый хвост, а на лицо спадала длинная непослушная прядь.

«В ней действительно есть что-то восточное, горячее».

А еще – полные ярко-красные губы. Она оказалась ниже ростом, чем представлял себе Куприянов, и едва доходила ему до подбородка.

– Этот тренажер так хитро устроен. – Она произнесла это после паузы, дав возможность Константину внимательно осмотреть себя.

«Ей нравится, когда на нее смотрят!»

– На самом деле ничего сложного, – Куприянов нервно улыбнулся. – Вы ставите определенный вес... Какой вес вы обычно берете?

– На этом тренажере даже не знаю.

– Давайте поставим поменьше. – Руки дрожали. – Теперь вы становитесь сюда и начинаете давить на рычаг. – Он помолчал. – Меня зовут Костя.

– Очень приятно, – девушка отбросила непослушную прядь и протянула ему ладонь: – Анна.

Куприянов нежно взял узкую смуглую кисть девушки, склонился и поцеловал ее.

– Мне тоже очень приятно.

– Какой вы забавный. – Ее тихий смех сводил с ума. – Я могу называть вас Котом?

«Кот? Звездочка...»

– Конечно.

– Значит, я правильно поняла, надо делать вот так? – Анна надавила на рычаг, синяя майка скользнула по полной груди, и Куприянов увидел черную татуированную ящерицу и краешек темного соска.

Он задрожал.

– Да, Анна, вы все делаете правильно.

Девушка улыбнулась и сделала несколько повторов. Ящерица соблазнительно извивалась. Константин был не в силах оторвать взгляд от дразнящего упругого тела. Он снова откашлялся.

– Анна, скажите, это вас я...

– А для чего вот это устройство?

Она быстро – но с какой грацией! – перешла к следующему тренажеру.

– Здесь работают мышцы груди, – машинально ответил Куприянов.

– О, мне это нужно! – Анна игриво улыбнулась и опустилась на сиденье. – Вы сделаете, чтобы он работал?

– Да, да. – Константин присел на корточки, установил вес и поднял голову. Прямо перед его глазами были самые восхитительные женские бедра, какие он видел в своей жизни.

Сильные, красивые, чуть раздвинутые. Запах мускуса туманил. Совершенно потерявший голову Куприянов прикоснулся губами к бедру девушки, погладил смуглую бархатистую кожу, поднял глаза и встретился взглядом с чарующими черными звездами.

Анна с улыбкой смотрела на него.

– Ты прекрасна!

Он встал перед ней на колени. Девушка поставила ноги ему на бедра, и ее рука скользнула по волосам Куприянова. Он гладил ее стройные ноги, утопая в сияющих черных глазах. Полоска голубой ткани, прячущаяся под синей майкой, окончательно возбудила его. Так же, как грудь, выглядывающая из выреза.

– Ты королева Луны!

Она поднялась, отошла. Он тоже вскочил на ноги, приблизился к девушке сзади, обнял за талию, с восторгом ощущая молодое упругое тело.

«Ей нравится, когда на нее смотрят!»

– Я хочу смотреть на тебя вечно!

Ему хотелось почувствовать сладость манящих губ Анны. Ему хотелось любви. Сейчас. Немедленно! Он дрожал от возбуждения.

– Мы не одни.

Она ловко и грациозно освободилась из объятий. Он даже не понял, как это произошло. Дверь открылась, Куприянов недовольно обернулся, в зал вошел плечистый инструктор.

– Константин Федорович, как дела у вас?

– Гера, черт, немедленно уходи!

– Что? – Инструктор ошарашенно посмотрел на Куприянова.

– Гера, я объясню потом. – Константин обернулся – Анны не было! – Где она?

– Кто?

– Черт! Дьявол! – Куприянов разъяренно оглядывал пустой зал. – Гера, где она?

– Кто?

Только слабый аромат мускуса.

«Мы еще увидимся...»

Константин оттолкнул оторопевшего инструктора и выскочил из зала.

Леночка

Сегодня была среда, а значит, Куприянов будет в тренажерном зале. Леночка никогда не позволяла себе пользоваться отлучкой шефа и приходила на работу позже, чем обычно. Никогда, но не сегодня.

Встреча со страшным стариком в черных очках перепугала ее до смерти. Девушка не спала до трех часов ночи, рыдая в подушку и вздрагивая от каждого звука, который доносился в окно спальни. Но и забывшись тяжелым, свинцовым сном, она продолжала беспокойно ворочаться, вскрикивать и даже плакать, заставляя родителей в соседней комнате напряженно прислушиваться. Она не сказала, что произошло, ограничившись коротким: «неприятности на работе». И эта мрачная немногословность обычно разговорчивой и дружелюбной дочери отбила у них всякую охоту выпрашивать подробности.

Леночка проснулась в девять утра. Угрюмо поздоровалась с матерью – Галина Семеновна вышла на пенсию год назад и целыми днями занималась домашним хозяйством, – заварила кофе и уселась у кухонного окна, невидяще глядя на двор.

– Доченька, может, скажешь, что случилось? – Галина Семеновна робко подошла к Леночке. – Ты ужасно бледная.

– Все в порядке, мама. – Леночка отхлебнула кофе. – Все в порядке.

– Ты... – Галина Семеновна подбирала слова. – Ты сказала, что у тебя неприятности на работе. Тебя увольняют?

«Вы должны уволиться из фирмы Куприянова, Елена Викторовна. Завтра вы отправите с курьером заявление об уходе по собственному желанию и не выйдете на работу».

– Нет, меня не увольняют.

– Значит, ты пойдешь сегодня на работу?

«Я не даю вам времени на размышление и не собираюсь ничего объяснять. Завтра я жду выполнения своих требований».

«Мерзавец! – Безжизненный образ старика всплыл в памяти, и бледные губы Леночки задрожали. – Почему он привязался ко мне? Кто он?»

– Ты меня слышишь?

«Завтра вы отправите с курьером заявление об уходе по собственному желанию и не выйдете на работу».

Он хочет, чтобы я исчезла из фирмы.

– Ты что-то сказала?

– Я? – Леночка удивленно поняла, что прошептала последнюю фразу. – Нет, мама, это я так.

– Ты идешь на работу?

Может, это конкуренты? Хотят подставить в компанию своего шпиона, вот и пытаются сломать меня? Ведь я ближайший помощник Куприянова, я знаю о бизнесе столько...

«А самое главное – вам придется распрощаться с теми планами, которыми вы делились с вашей подругой в кафе.

Забудьте о Куприянове».

А чем я делилась с Таней? Ляпнула что-то насчет замужества! Она еще спросила, не о Куприянове ли идет речь! Так вот в чем дело! Голубые глаза Леночки похолодели, превратившись в зловещие льдинки. Вполне возможно, что старик – частный детектив. Его наняла жена или... Об этом думать не хотелось, но Леночка уже взяла себя в руки и спокойно перебирала все варианты. Или его нанял сам Куприянов, испугавшись, что наша связь зашла слишком далеко. Хочет избавиться от меня.

Девушка улыбнулась. У Галины Семеновны, не спускавшей глаз с дочери, чуть отлегло от сердца.

Надо понять, кто нанял старика: конкуренты, жена или сам Костик. Если конкуренты, то все просто замечательно: угроза моей жизни еще теснее приблизит ко мне Куприянова. На щеках Леночки снова заиграл румянец, она оживала на глазах. Если жена? Грустно, что она так рано пронюхала о нашей связи, но надо выбрать такую линию поведения, чтобы Костик оценил всю низость ее поступка. Это поможет ему выбрать меня...

«Мадам Куприянова!»

А если это сам Константин нанял старика? Леночка снова отхлебнула кофе. Самый грустный вариант.

Она прекрасно изучила шефа и знала, что если он принял какое-то решение, то будет добиваться его выполнения, чего бы это ни стоило. Куприянов всегда скрупулезно взвешивал

свои поступки.

«Что же, если Костик нашел в себе силы избавиться от меня, – жестко подумала Леночка, – то это будет стоить ему больших денег. Просто так я не уйду».

Она допила кофе, поставила кружку на стол и посмотрела на Галину Семеновну:

– Ты что-то спрашивала, мама?

– Пойдешь сегодня на работу? – растерянно повторила женщина.

– Разумеется! – Леночка легко поднялась из-за стола. – Я и так ужасно опаздываю!

Даже после того как ее взаимоотношения с Куприяновым стали более близкими, умная Леночка не стала настаивать на изменении давно сложившейся в компании традиции. Во внутреннем дворике штаб-квартиры фирмы оставляли свои машины только три человека: сам Куприянов, весельчак Валера Енин, его заместитель, и холодный Юрий Маминов, начальник службы безопасности, все остальные сотрудники парковали авто на улице. Леночка остановила «БМВ» у тротуара, нажала кнопку сигнализации, услышав в ответ щелчок центрального замка, одернула юбочку и повернулась к зданию фирмы. Превосходно наложенный макияж полностью скрыл следы ночных кошмаров. Леночка была холодна

и полна решимости до конца разобраться в происходящем.

Она сделала два шага.

Слева от нее у тротуара стоял красный «Мерседес».

Еще один шаг.

– А ты упорная девчонка!

Леночка резко остановилась.

На широком капоте «Мерседеса» возлежала красивая черноволосая женщина. Глаза Леночки широко раскрылись. Удивление вызывала даже не поза незнакомки, хотя увидеть в центре города вот так, небрежно лежащую на капоте женщину было делом очень странным. Удивлял ее внешний вид. Незнакомка была одета в черный кожаный корсет со шнуровкой и золотыми насечками и коротенькую юбочку, перехваченную широким поясом с причудливым узором. На правом полушарии большой груди вытатуирована черная ящерица. Смуглые, красивой формы руки женщины были украшены золотыми браслетами сложной формы, а стройные ножки обуты в высокие сапоги. Длинные черные волосы незнакомки были высоко взбиты и перехвачены диадемой.

– Решила поиграть с королевой Луны?

Голос у женщины был грудной, с легкой хрипотцой.

Зловещий.

Леночка растерянно огляделась: видит ли кто-нибудь еще эту экстравагантную особу? Но, как ни странно, тротуар был пуст. Только на противоположной стороне Пятницкой в легкой дымке проглядывали силуэты прохожих да проносились

автомобили.

– Не слишком ли далеко ты зашла в своем упрямстве?

Черноволосая мягко, с томной грацией пантеры потянулась, и ее длинные черные ногти со скрипом проехали по лакированному металлу капота, оставляя на нем глубокие царапины. У Леночки зашевелились волосы.

– Что вам надо?

– Тебе было запрещено появляться здесь, тварь. – Теперь незнакомка сидела на корточках. – Никто не смеет слушаться королеву Луны!

– Отстаньте от меня! – закричала Леночка, чувствуя, что еле сдерживает подступающий к горлу комок. – Оставьте меня в покое!!

Красивые руки черноволосой плавно разошлись в стороны, она словно бы взмахивала крыльями...

Крылья!

Леночка вскрикнула. Руки черноволосой на глазах превращались в крылья!! Покрывались длинными черными перьями! Ноги подобрались, превратившись в лапы, оканчивающиеся острыми, цепкими когтями. Голова уменьшилась, вперед резко выдался хищный клюв, и через какое-то мгновение на капоте «Мерседеса» сидела огромная черная орлица.

Не верящая своим глазам Леночка тихо завывала.

Орлица издала короткий клокочущий возглас и бросилась на девушку. Острые когти полоснули по лицу. Леночка ди-

ко закричала. Клюв ударил в голову. Девушку отбросило на стену дома.

– Оставьте меня!

Слезы, сопли, кровь смешались с остатками макияжа. Орлица взлетела, описала маленький круг и снова опустилась на Леночку, в клочья полосую элегантный деловой костюм, вырывая из ушей драгоценные сережки.

– Оставь меня!!

Девушка нашла в себе силы оттолкнуть птицу и броситься вперед. Скорее! Подальше от этого кошмара!

Она выскочила на проезжую часть. Пронзительный гудок клаксона смешался с визгом автомобильных тормозов. В последний момент Леночка успела заметить несущийся на нее фургон и в ужасе закрыла глаза.

Чья-то сильная рука схватила девушку за шиворот и буквально вытащила из-под колес машины.

– Идиотка поганая! Куда ты лезешь, дура?! – Из окна фургона высунулся перепуганный водитель.

– Заткнись, придурок, не видишь: девчонка в истерике, сама не понимает, куда лезет!

– Она не понимает, а мне под суд идти? Дура...!

– Проваливай отсюда!

Леночка в страхе открыла глаза. Чудовищная птица исчезла, с тротуара смотрели удивленные прохожие, а покрасневший водитель фургона что-то злобно ворчал в ее адрес, пытаясь завести заглохший двигатель.

– Спасибо, – прошептала она своему спасителю и обернулась, чтобы посмотреть на него.

На нее уставились безжизненные черные стекла странных очков старика.

– Вы?

– Это было последнее предупреждение, Елена Викторовна, – бесстрастно произнес старик. – Вам осталось пройти до офиса всего десять шагов. Крепко подумайте, прежде чем сделаете их.

Леночка вырвалась из его рук и побежала к спасительным дверям фирмы.

Вера

Вера любила разбирать утреннюю почту. Ей нравилось это странное для эры тотальной компьютеризации занятие, нравилось вскрывать конверты специальным ножом, доставать сложенные листы и просматривать их содержание. Это напоминало Вере детство, тихую пору, когда не существовало электронной почты, а телефонная связь была настолько плохой, что каждое слово приходилось повторять по несколько раз. В те времена расстояние между близкими можно было преодолеть только с помощью писем, длинных и подробных. И теплых. Вера помнила, как ее родители читали обстоятельные рассказы многочисленных родственников, разбросанных волею судеб по всем уголкам империи и как тщательно и любовно писали ответные, не менее подробные сочинения.

Вера пришла в прохладный кабинет, с ногами забралась в большое кожаное кресло, стоящее у письменного стола, покосилась на гудящий компьютер, видимо, Костя что-то просматривал с утра и забыл выключить, бросила на стол ворох конвертов и вскрыла первый. Реклама.

«Дорогая Вера Сергеевна! Уникальный и единственный в своем роде...»

Для нее всегда оставалось загадкой, каким образом пронырливые агенты узнают имена неработающих богатых жен-

щин для составления проникновенно личных посланий. В первое время Веру это бесило, потом привыкла. Вот и сейчас Вера без особого любопытства узнала о существовании в Москве необычайного косметического центра, лениво скользнула глазами по глянцевым фотографиям и отложила бумажку в сторону.

В следующем пакете оказались счета из телефонной компании, красочный буклет, несколько рекламных проспектов. В сторону все, кроме счетов. Не забыть напомнить о них Косте.

Толстое письмо от дяди Вали. Это интересно. Старик по-прежнему не признавал телефонов, не умел пользоваться компьютером и раз в месяц слал Вере длинное повествование о своем иркутском житье. Причем послания его были наполнены такими яркими красками, что читались как юмористические рассказы. Вера улыбнулась, не вскрывая, отложила творение дяди Вали в сторону и взяла в руки элегантный и дорогой конверт без обратного адреса.

«Госпоже Куприяновой Вере Сергеевне».

Опять реклама?

Узкая полоска дорогой писчей бумаги, нервный мужской почерк:

«Вера, мы должны увидаться. Мы должны обязательно увидаться с Вами. Поверьте, это очень важно! Важно для Вас. Аркадий Ивов».

Ниже той же рукой был написан адрес.

Странное письмо. Вера вспомнила высокий голос в автоответчике, умоляющий о встрече, и вчерашнюю историю с записью.

Что происходит?

Аркадий Ивов. Снова, как и в тот раз, слушая автоответчик, Вера поймала себя на мысли, что имя ей смутно знакомо. Кто-то из деловых партнеров Кости? Институтский приятель? Друг детства? Ивов...

И вдруг она вспомнила. Ну конечно! Аркадий Ивов! Блестящий художник, яркой искрой пролетевший по звездному московскому небосклону некоторое время назад. Восторженные отзывы критиков, статьи в журналах, выставка в престижной галерее, слава. Вера вспомнила заносчиво важный голос Эммы Федосеевны, толстой и глупой жены крупного сибирского нефтяника: «Я делаю себе портрет от Ивова, дорогуша, для гостиной». Тогда портреты от Ивова были в большой моде. Он писал их необычайно сильно, стараясь проникнуть в суть своих персонажей, он еще не стал ремесленником, а действительно творил. Потом Аркадий Ивов исчез. Неожиданно и бесследно. Кто-то говорил, что он отправился в Америку, кто-то уверял, что видел его в Париже, в Италии, но точно о его судьбе не знал никто.

Что ему надо от меня?

Заинтригованная Вера дотянулась до «мышки», вызвала в компьютере карту Москвы и ввела указанный в письме адрес. Через пару секунд на мониторе высветился результат за-

проса, и удивленная Вера тихо присвистнула. Частная психиатрическая клиника профессора Талдомского.

Ивов прислал письмо из сумасшедшего дома.

Как странно.

Вера выбралась из кресла, вытащила из пачки сигарету – теперь она не расставалась с ними, щелкнула зажигалкой и, выпустив вверх струю дыма, задумчиво прищурилась.

«Флешка», Ивов, сумасшедший дом. Цепочка прослеживается вполне логичная.

Вера так и не смогла объяснить себе вчерашние события. Она четко помнила, что было записано на «флешке»: в ожидании мужа просмотрела ее целиком и до сих пор не могла понять, как получилось, что на ней оказался фильм. Хуже всего было то, что она не смогла найти конверт, в котором прислали проклятую «флешку», хотя Ольга Петровна клялась, что не выбрасывала его.

И совсем плохо было то, что Кот явно решил, будто она напилась.

Вера вспомнила то легкое презрение, которое промелькнуло в глазах мужа, перед тем как он вышел из кабинета.

«Как он мог подумать, что я пошла по пути богатых бездельниц, обалдевших от скуки и роскоши и глушащих ничемную жизнь вином и транквилизаторами?»

«А что он еще мог подумать? Вспомни, как ты выглядела».

Вера вздохнула, ей было стыдно. Она затушила сигарету,

мельком посмотрела на свое отражение в зеркале и вскрикнула: вместо симпатичной темноволосой женщины на нее смотрела страшная, носатая старуха, с морщинистым лицом, потухшими, глубоко запавшими глазами и беззубым ртом.

О боже!

«Флешка», Ивов, сумасшедший дом.

Страшная старуха в точности скопировала гримасу Веры, отчего ее лицо стало еще более ужасным.

Что происходит?

Кошмарная маска в зеркале стала меняться: морщинистая кожа кусками отваливалась с лица, обнажая желтые кости черепа, нос провалился, из-под кустистых седых бровей вылезли белые черви. Отражение разлагалось, но не просто распадалось на куски, а словно бы проникало в душу Веры, наполняя ее зловонным туманом.

Туманом Зла.

Нет!

Гниющий скелет рассыпался, и теперь в зеркале можно было видеть только обстановку кабинета. Ничего более. Вера нашла в себе силы и, подойдя к обезумевшему стеклу, встала на цыпочки и посмотрела вниз, словно надеясь увидеть отражение пола.

И увидела.

Она увидела отражение паркетного пола кабинета, а на нем горстку праха, в которую обратилась старуха.

Вера закрыла глаза.

«Флешка», Ивов, сумасшедший дом.

По-прежнему не открывая глаз, Вера сделала шаг назад и только после этого осторожно посмотрела на зеркало. Холодная поверхность отражала привлекательную темноволосую женщину. Очень испуганную.

«Флешка», Ивов, сумасшедший дом.

«Вера, мы должны увидеться. Мы должны обязательно увидеться с Вами. Поверьте, это очень важно! Важно для Вас».

Вера рухнула в кресло, снова закурила, ее била мелкая противная дрожь, и посмотрела на монитор, на котором высвечивался адрес клиники профессора Талдомского.

Константин

Куприянов вернулся из зала в глубокой задумчивости.

Несмотря на предпринятые усилия, а он тщательно расспросил не только Геру, но и уборщиков, массажистов, охранников, девушек в приемной, все они начисто отвергали всякую возможность того, что в зале мог быть кто-то, кроме него. Константину показывали записи на посещение тренажерного зала и даже сводили в женскую зону, чтобы продемонстрировать полное отсутствие в клубе посетительниц. Черноволосую красавицу решительно никто не видел. В другое время Куприянов вполне поверил бы этим объяснениям, но на его губах еще оставался вкус прикосновения к стройным бедрам Анны, руки помнили волнующую упругость ее тела, а еще он то и дело ощущал легкий аромат мускуса. И сходил с ума.

Об этом думали и все опрошенные служители клуба, получившие богатую пищу для разговоров на целый день.

Перебирая черные четки, Куприянов вошел в свою приемную, мельком кивнул Леночке и стремительно направился в кабинет.

– Костя!

– Потом!

Перед его глазами стоял непослушный черный локон, игриво падающий на красивое лицо Анны.

И только захлопнув дверь, он понял, что Леночка впервые назвала его просто по имени прямо в приемной, куда в любой момент могли зайти сотрудники.

«Она спятила?» – Раздражение.

Девушка открыла дверь.

– Мы должны поговорить.

– Проходи. – Продолжая перебирать четки, Константин плюхнулся в свое кресло и только теперь увидел глубокие царапины на лице секретарши. Он подскочил: – Леночка, что случилось?

– Я отвлеклась и чуть не попала под машину.

– Правда?

– Так я сказала сотрудникам.

– А на самом деле? – насторожился Куприянов.

– На самом деле, – Леночка продолжала стоять, и Константин видел, что она еле сдерживает себя, – на самом деле вчера вечером меня навестил высокий, очень сильный старик в черных очках. Знакомая фигура?

Константин удивленно покачал головой, и девушка, прекрасно знающая шефа, поняла, что он не врет.

«Уже хорошо, значит, в самом плохом случае это происки его благоверной».

– Значит, ты не знаешь старика в черных очках?

– Я же сказал, что нет, – резко ответил Куприянов и положил четки в карман. – Чего он хотел?

– Он пришел вечером и ультимативно потребовал, чтобы

я... чтобы я уволилась из фирмы. Отправила курьером заявление по собственному желанию и уже сегодня не выходила на работу.

– Что?!

Леночка рухнула на стул и расплакалась. Константин выскочил из-за стола, подбежал к девушке и обнял ее за трясущиеся плечи.

– Девочка моя, маленькая, глупая девочка, почему ты сразу же не позвонила мне?

– Я испугалась, – рыдала Леночка, – я страшно перепугалась, он был такой грозный, жестокий, я не знала, что делать! Я не спала всю ночь, а утром помчалась в офис, я хотела сама тебе все рассказать!

– И что произошло?

Придя в себя после истерики, Леночка уже успела обдумать случившееся и решила, что стала жертвой гипнотизера. Или ей подбросили вызывающий галлюцинации наркотик. Другого объяснения странному происшествию просто не было.

– Я не видела его, возможно, он прятался за машинами, а когда я проходила мимо, схватил меня и хотел вытолкнуть на дорогу, прямо под колеса грузовика! Я боролась с ним!

– Леночка, девочка... – волна нежности нахлынула на него, и Куприянов поцеловал глубокие царапины на лице девушки, ее заплаканные глаза, мокрые от слез щеки.

Мягкие губы Леночки нашли его, он почувствовал жаркое

дыхание и ответил на страстный поцелуй.

– Мне было так страшно. – Девушка тесно прижалась к Куприянову, шелковистые светлые волосы щекотали лицо.

Он поцеловал ее волосы, еще крепче обнял Леночку.

– Ничего не бойся. Маминов разберется с твоим стариком. Кроме очков, ему потребуются костыли. Или инвалидное кресло.

Девушка слабо улыбнулась.

– Костя, я хочу тебя. Очень хочу.

– Я... – На столе Куприянова зазвонил телефон. – Это, должно быть, Штанюк.

– Забудь о нем. – Она потянула его пиджак.

– Это очень важно. – Он поднял указательный палец. – Ты же умная девочка.

– Да, – послушно кивнула она, – но сегодня...

Телефон снова подал голос.

– Я поговорю с Маминовым, его ребята отвезут тебя домой и подежурят у подъезда, пока все не утрясется. Сегодня у тебя выходной. Приведи себя в порядок.

– Я хочу тебя, Костя, – тихо повторила Леночка.

Куприянов ласково поцеловал ее в голубые глаза.

– Я приеду за тобой в четыре часа. Вечер мы проведем вместе.

– Правда?

– Я обещаю.

Леночка наградила его длинным страстным поцелуем, и

Константин бросился к надрывающемуся телефону:

– Григорий, это ты?

Вера

Частная психиатрическая клиника Талдомского оказалась выстроенным в современном стиле особняком, прячущимся за высоким забором и густыми деревьями. А сам профессор – маленьким, полным бодрячком с кудрявыми седыми волосами и очень внимательными глазами. Вера заранее созвонилась с ним, предупредила визите и охранник сразу проводил посетительницу в кабинет владельца клиники.

Хороший кабинет, дорогой. Обставленный hi-tech мебелью, с массой хромированных деталей, пластиковыми поверхностями, причудливыми светильниками и украшенный абстрактными картинами. Вере кабинет не понравился. А вот профессор, Яков Исаакович, производил приятное впечатление профессионала.

– Честно говоря, я пребываю в некотором смущении, – призналась Вера, расположившись в изогнутом кресле. – Я не предполагала, что пси..., простите, что ваши пациенты могут свободно общаться с внешним миром.

– У нас не тюрьма, – вежливо улыбнулся Талдомский, – большинство наших гостей очень обеспеченные люди, которым по разным причинам требуется квалифицированная поддержка. Стрессы, депрессии, фобии. Часть из них обратилась к нам самостоятельно, вполне отдавая себе отчет в своем состоянии. Других поместили родственники, но все

они члены общества. Все они любимы, у всех у них есть семьи, просто в настоящий момент им требуются мои услуги.

О которых никому не станет известно.

– Понимаю, – кивнула Вера. – А что вы скажете об Ивове?

– Аркадий? – Внимательные глаза Якова Исааковича погрузнели. – Аркадий пережил сильнейшее потрясение, о котором упорно не желает говорить. Он необычайно талантлив... Вы видели его работы?

– Только портреты.

– Даже в них есть искра, – вздохнул Талдомский. – А его главные работы поражают, бьют прямо в душу. Аркадий работал на грани гениальности и безумия, на грани света и тьмы. Он балансировал, очень уверенно балансировал на этом лезвии, пока что-то не толкнуло его во мрак. Он не говорит что. Он замкнулся. И я, признаюсь откровенно, очень обрадовался, когда узнал, что он направил вам письмо. Скажу более, если бы вы не позвонили, то завтра я бы сам разыскал вас.

– Это так важно? – немного помолчав, спросила Вера.

– Я надеюсь, что это важно, – развел руками Талдомский. – Вы стали первым человеком, а если быть точным, первым предметом, только не обижайтесь, к которому он проявил хоть какой-то интерес за много месяцев. С тех пор как с ним произошло несчастье, Аркадий занимается только одним.

– Чем?

Палата была необычайно просторной, ярдов сорок квадратных, и щедро залитой солнечным светом, дальняя стена представляла собой одно огромное окно.

«Аркадий хотел, чтобы его пристанище напоминало студию, и мы пошли ему навстречу».

В углу, у окна, стояла широкая кровать с черным балдахинном, в другом углу маленький столик, торшер и два глубоких кресла, в которые так хорошо проваливаться вечером, с книжкой в руках. Но книг не было. Все остальное пространство палаты занимали мольберты...

«Два, четыре... кажется, всего семь».

...кисти, краски, разбросанные прямо на полу, и многочисленные рисунки, на мольбертах, на стенах, на полу, выполненные маслом, углем, карандашом, на холсте, на ватмане...

«Он рисует. Он постоянно занят, но его работы... Вы увидите. А еще в них есть нечто общее».

«Что?»

«Вы увидите».

На всех работах Ивова была изображена одна и та же женщина. Черноволосая красавица с изящной женственной фигурой. Надменная и нежная, веселая и задумавшаяся, целомудренная и откровенно развратная.

«Он балансировал, очень уверенно балансировал на этом лезвии, пока что-то не толкнуло его во мрак».

Какой бы ни изображал свою музу художник, каждая ее черточка приводила стороннего наблюдателя в трепет. В трепет кролика перед удавом. Ею было невозможно не восхищаться: черноволосая незнакомка была потрясающе красива, но ее красота вызывала ужас. Каждая линия чарующего лица была линией Зла, каждый изгиб прекрасного тела – изгибом Зла, тень от пышных ресниц – тенью Зла, а сияющие черными звездами глаза заставляли наблюдателей отворачиваться. Неприятель была пропитана мраком, Злом. Тем Злом, краешек которого Вера увидела недавно в зеркале. Настоящим. Первородным.

Может, поэтому Ивов не заканчивал свои работы?

Ни одну из них.

– Меня пугают ее глаза.

Вера вздрогнула и обернулась. Ивов, маленький, тощий, одетый в испачканную красками рубашку и простые брюки, сидел на полу возле кровати. Она даже не заметила его, оглядывая студию.

– Я отчетливо помню их, но помню прекрасными, способными утопить в себе весь мир. – Аркадий запустил руку в длинные волосы. – А когда я пишу их, то содрогаюсь от ужаса. Хотя я знаю, что не ошибаюсь. Я помню каждую ее черточку, каждый жест, каждую улыбку. Я не ошибаюсь и это убивает меня.

– Это Зло, – тихо сказала Вера.

«А его основные работы просто поражают. Бьют прямо в душу».

– Вы пишете Зло, Аркадий.

– Как бы я хотел написать ей новую душу. – Художник сжал ладонями виски, потер глаза. – Вырвать ее из мрака... – Он поднял глаза, посмотрел на стоящую посреди палаты женщину. – Ее тень над вами, Вера Сергеевна. Вы в опасности.

– Откуда вы знаете?

– Увидел, почувствовал, – он усмехнулся, – а какой еще ответ вы ожидали услышать от сумасшедшего?

– А как вы узнали мое имя? Номер телефона?

– Увидел, почувствовал... Это началось не сегодня и не вчера. Давно. Я долго думал, стоит ли предупреждать вас...

– Вы ее любите.

– Я заканчивал портрет и думал, что мне удалось. – Аркадий вскочил, подбежал к одному из мольбертов и сбросил с него ткань.

Энергетика Зла от незаконченного портрета незнакомки заставила Веру сделать шаг назад.

– Не получилось, – криво усмехнулся художник. – Точнее, получилось, как всегда. И тогда я решил предупредить. Ее крылья над вами, Вера Сергеевна. Ее чарующие черные крылья. Вы представить не можете, какими сладкими они могут быть... Бойтесь ее, Вера Сергеевна. Постарайтесь спасти то,

что еще можно, но... – Глаза Ивова вспыхнули, он подбежал к остолбеневшей Вере и схватил ее за руку. – Ради бога, Вера Сергеевна, не пытайтесь бороться за то, что уже во мраке! Боритесь сами, если та сторона не ваша, боритесь за то, что вам дорого, но никогда не бросайтесь спасать то, что не хочет быть спасенным! Помните, тьма не поглощает, она просто берет свое!!

Пораженная горячим монологом художника Вера смотрела в его больные глаза.

«Он безумен!»

«А разве то, что ты видела в зеркале, не безумие?»

«Он тоже видел?»

«Вполне возможно, он видел кое-что и похуже».

«Этого не может быть!»

«Тогда что ты здесь делаешь?»

Вера сглотнула, чуть успокоилась. Очень хотелось курить.

– Как ее зовут?

– Анна. – Ивов отпустил ее руку и отошел к окну. – Анна.

– Где она живет?

– Это неважно, – он усмехнулся. – Опасайтесь ее, Вера

Сергеевна. Не доверяйте ей и не доверяйте никому, кто с ней.

– И вам?

Аркадий улыбнулся, подошел к мольберту, сбросил неоконченный портрет на пол и огляделся в поисках чистого холста.

– Уходите, Вера Сергеевна, мне нужно работать. Я верю,

что смогу написать ей новую душу.

Вера сделала шаг к двери, санитар с той стороны мягко открыл замок.

«Тьма не поглощает, она просто берет свое!! Тьма забирает только своих!»

«А женщина, которую он рисует?»

«Красавица, да? Мы не знаем, кто она. Аркадий ничего не говорит, а здесь она не появлялась. Вы думаете, что дело в несчастной любви?»

Бедный Яков Исаакович. Он разглядывал красивую брюнетку со жгучими глазами и роскошной фигурой, но не видел в ее чертах Зло.

Зло, которое видела она. Которое видел Ивов.

Вера вышла на крыльцо клиники, закурила, нервно нащупала в сумочке ключи от своего «жука» – Кот кривился, а ее очаровал этот кругленький ярко-желтый «Фольксваген».

– Как вам у нас понравилось?

Рядом с ней стоял высокий санитар лет шестидесяти, но явно крепкий: белый халат чуть не лопался на могучих плечах. Он был абсолютно лыс и носил странной формы солнцезащитные очки, очень плотно прилегающие к лицу.

– Вы что-то спросили?

– Как вам понравилась клиника? – Легкая, безжизненная

улыбка, от которой у Веры побежали мурашки.

– А почему она должна мне понравиться?

– А разве вы приехали не для того, чтобы подобрать себе палату, Вера Сергеевна?

Улыбка чуть шире, мурашки сильнее. Вера бросила сигарету и быстро спустилась с крыльца.

– Возвращайтесь, Вера Сергеевна, профессор Талдомский замечательный специалист!

Леночка

Все оказалось даже лучше, чем она могла рассчитывать.

Куприянов приставил к ней охрану – двое плечистых ребят сидели в «Ауди» у подъезда – и обещал приехать после обеда. Значит, эти двое увидят, что он приезжает к ней! Володя не в счет, он знал или догадывался, но умел молчать. Теперь будут знать эти двое и доложат обо всем Маминову... Нет, хитрый начальник охраны и так уже все знает, наверняка знает. Тогда иначе: эти двое начнут болтать и слухи, которые поползут по фирме, помогут ей перейти в наступление на Костю.

«Мадам Куприянова!»

Девушка замурлыкала песенку, подошла к зеркалу, расчесала шелковистые светлые волосы.

«Он будет моим!»

В затылке появилась противная тупая боль.

«Только этого не хватало! Проклятый старик, из-за него полночи не спала!»

Леночка выдвинула один из ящиков трюмо: где-то должен быть аспирин.

– Доченька, будешь кушать?

– Нет, мама, спасибо.

Боль становилась все сильнее, теперь Леночке казалось, что в ее затылок медленно вгрызается тонкая раскаленная

игла.

«Где же этот чертов аспирин?»

– Может, хоть бутербродик съешь? – В дверях застыла мать.

– Не буду!

Леночка постаралась улыбнуться, но игла в затылке не позволила ей сделать это по-настоящему, и искривившиеся губы дочери заставили Галину Семеновну вздрогнуть.

«Что происходит? Она вернулась такой цветущей, радостной, и вот опять...»

– Доча...

– Мама, – почти крикнула девушка, – я хочу побыть одна!!

– Все, все, я уйду.

«Где же аспирин?»

Раскаленная игла проникала все глубже и глубже.

«Господи, что же со мной происходит?»

– Дурное настроение?

Девушка резко обернулась и испуганно вскрикнула: брюнетка стояла посреди комнаты, небрежно поигрывая длинным бичом. У ее ног замерли на четвереньках два раба в узких набедренных повязках. Их лица скрывали глухие кожаные маски, шеи были перехвачены массивными ошейниками, от которых к левой руке брюнетки тянулись тоненькие цепочки.

– Ты осмелилась нарушить волю королевы Луны! Теперь ты познаешь ее гнев!

На ней был тот же черный кожаный корсет, отделанный золотом, коротенькая юбочка, оставляющая открытыми стройные ноги, и высокие, до колен, сапоги на длинной шпильке.

– Этого не может быть!

Черные глаза королевы Луны прожигали насквозь, ее жестокие, злые глаза заставили Леночку замереть, покорно застыть, ожидая своей участи.

– Бич будет достойной наградой для тебя!

– Не надо!

Королева Луны сделала легкий, небрежный жест рукой, и черная лента с неожиданной стремительностью достигла Леночки. Девушка отчаянно закричала: бич легко разорвал шелковую блузку, впился в нежную кожу, оставив зловещий красный рубец, огнем полыхнувший по нервам.

– Не надо!!

– Пока я просто ласкаю тебя, моя дорогая, – ярко-красные губы королевы Луны разошлись в презрительной усмешке. – Дальше будет хуже.

– Не надо!!! Оставьте меня!!!

Второй удар был гораздо сильнее, хотя со стороны могло показаться, что брюнетка по-прежнему едва шевелит рукой. Щупальце жадно впилось в тело Леночки, вырвав целую полосу кожи. Бич казался живым. Он будто стремился насытиться кровью жертвы, выпить ее досуха.

– Спасите!!

Королева Луны расхохоталась и сделала резкое движение рукой, бич засвистел над ее головой.

– Никто не спасет тебя от моего гнева!

Рабы у ног брюнетки расстегнули маски, и Леночка издала еще один, полный ужаса и отчаяния крик: безгубые рты тварей были наполнены белыми клыками.

– Нравятся мои собачки?

Рабы зарычали и медленно двинулись к Леночке, их цепи натянулись, но королева Луны пока удерживала монстров. Бич свистнул, обжигая тонкие руки, которыми Леночка пыталась прикрыть голову.

Третий удар оказался самым силен. Леночку швырнуло на стену, она больно ударилась спиной, но внезапно почувствовала, что жестокая сила черных глаз королевы, не дающая ей пошевелиться, пропала. Она свободна! Она может спастись!!

Девушка рывком распахнула дверь комнаты. Ей в спину летел залиvistый смех брюнетки.

– Леночка, что происходит? О боже! Что случилось?! – Галина Семеновна с ужасом смотрела в безумные глаза дочери. Белая блузка Лены разорвана, окровавлена, куски кожи зловещей бахромой болтались на боку, на руках. – Доченька, что с тобой?!!

«Они повсюду!»

Открыв дверь комнаты, Леночка столкнулась с одним из рабов брюнетки. Невысокий ублюдок, еще не успевший снять намордник, попытался остановить ее, но страх придал девушке сил. Она отшвырнула его с дороги и бросилась в коридор. Скорее, вон из квартиры! Вон из ловушки!!

– Тебе не скрыться от моего гнева!

Кончик бича дотянулся до спины Леночки, зло скользнул по ней, царапая кожу, но девушка успела вырваться на лестничную площадку.

«Куда теперь?»

Лифт распахнулся, поразив Леночку зловещим, безжизненным мраком пустоты. Снизу, из шахты, донеслись удары барабана и грудной женский смех.

«Они внизу! Они ждут меня!!»

Девушка выбежала на лестницу и помчалась наверх.

Наверх, подалее от обитателей Ада. Спасение там, наверху!

– Алло, «Скорая»? Пришлите машину, у моей дочери припадок! – рыдала в трубку Галина Семеновна. – Я не знаю, что с ней! Она никого не узнает! Выскочила из дома! Адрес?

Анна холодно посмотрела на плачущую женщину, которая при всем своем желании не могла ее увидеть и вышла на

лестничную площадку. Нужно закончить работу.

Она поднялась по лестнице на чердак, толкнула дверь – к счастью, она оказалась незапертой, иначе Леночка сошла бы с ума – и оказалась на ровной крыше.

Что дальше?

– Ты все еще не поняла, что бесполезно бороться с королевой Луны?

Девушка задохнулась от ужаса. Длинноногая брюнетка в черных кожаных доспехах стояла посреди крыши и ее пылающие глаза смотрели на Леночку с веселым презрением. Бич извивался яростной змеей, нетерпеливо рычали кошмарные рабы. Девушка дернула за ручку, но дверь самым непостижимым образом оказалась закрыта.

«Не может быть! Я только что прошла через нее!»

Леночка отчаянно дергала за ручку, и свист рассекающего воздух бича заставил ее пригнуться.

– Твоя жизнь принадлежит мне!

Не помня себя, девушка бросилась к краю крыши. Бич свистнул снова, вырвав клочок плоти из ее бедра, Леночка споткнулась, остановилась и обернулась на топот: королева Луны спустила с цепи псов.

Они бежали с невероятной скоростью, с их огромных клыков капала слюна и до девушки донеслось зловонное ды-

хание.

– Не надо!

Они приближались.

Леночка судорожно огляделась. У нее оставалась только одна возможность спастись от бешеных рабов королевы Луны: броситься вниз, но этого девушка сделать не могла.

«Жить! Я хочу жить!!»

Зловонное дыхание было совсем рядом. Рабы синхронно оттолкнулись от крыши и прыгнули на девушку. Леночка закричала и закрыла лицо руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.